

Нина Гавриш

***Тень птички,
прикрывающая короля***

Челябинск,
Цицero
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г12

Г12 **Гавриш Н.Г.**
Тень птички, прикрывающая короля. — Челябинск : Цицеро,
2008. — 124 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Гавриш Н.Г., 2008.

Предисловие

«Птичка» не просила меня об этом предисловии. Пишу его по душевной потребности. Исповедь о том, как она своей тенью прикрывала короля, прочитала на одном дыхании. Сейчас редко встретишь книгу личную и искреннюю. В мою бытность работы собственным корреспондентом Российского телевидения и радио мы с Н. Гавриш часто встречались. Мне было странно и профессионально любопытно наблюдать: амбициозная личность, творчески одарённый человек, талантливый журналист — положила себя на заклятие СИСТЕМЫ. Это же стопроцентная внутренняя сшибка! Тогда я её не заметила. Теперь вижу — была. И, слава богу, закончилась не инфарктами-инсультами, а записками, пусть и написанными «кровью». Абсолютно ненаучное издание опыта крупнейшего руководителя, крупнейшей пресс-службы, крупнейшего предприятия послужит отличным учебным пособием для студентов журфака, рвущихся в пиар и рекламу. И всякий, кому интересно, что же за птички прикрывают наших королей, прочитает эти записки с благодарностью к автору за правду.

Л.П. Шестёркина,
Заслуженный работник культуры РФ,
Член Союза журналистов, Евразийской и Международной
Академий Телевидения и Радио,
декан факультета журналистики ЮУрГУ, профессор

Об авторе

Нина Георгиевна Гавриш родилась в г. Челябинске. Окончила инженерно-строительный факультет Челябинского политехнического института, факультет журналистики Уральского государственного университета, член Союза журналистов РФ. Возглавляла различные корпоративные издания. В 1991 году создала первую в области духовно-просветительскую газету «Во имя Христа». Работала пресс-секретарем мэра г. Челябинска. С 1997 по 2007 гг. — руководитель пресс-службы крупной энергокомпании.

Лауреат профессиональных конкурсов. Победитель Международного конкурса «На лучшую публикацию по проблемам ТЭК России» «ПЕГАЗ» (дипломы, Большая золотая медаль, Гран-при «ПЕГАЗ-2002», Гран-при «ПЕГАЗ Златокрылый-2006 г.»). Автор книг «Дорогие мои энергетики» и «Живи, Энергетика!».

Свой среди чужих, чужой среди своих

2003 год. Что делать, одолела назойливая мысль написать о житье-бытье пресс-службы. Опыт накоплен немалый, может, кому-то пригодится и компания, в которой мы работаем, солидная, всегда в центре внимания прессы, и тема «пиара» нынче в моде.

Итак, усадила себя за компьютер и написала «Свой среди чужих, чужой среди своих». Именно тайный смысл этой интриги хотелось раскрыть, объяснить, развить, проанализировать, вызвать интерес, охладить тех, кто питает иллюзии по поводу этого чуда природы, этого кентавра, который пасется на «пиаровской лужайке», — пресс-службы.

Но может, погорячилась? Если честно, какую дверь святая святых ни попытайся открыть, везде загорается красная лампочка: нельзя, не время, обидишь, наживешь врагов.

Сейчас профессия специалиста по связям с общественностью — наимоднейшая. На эту специальность даже конкурс в университетах несколько человек на место! Дети мои, вы думаете, оно медом намазано? Отнюдь! Это ведь мы, первые «пиарщики», скромные, тихие сотрудники пресс-служб, создали эту сладкую иллюзию своими нервами, потом и кровью.

В начале 90-х о PR мало кто слышал. Даже выговорить не могли с первого раза «паблик рилейшнз». Бормотнешь в разговоре «паблик рилейшнз», а в ответ: что-что? Сегодня у

всех на языке «пи-ар!», «пи-ар!». Скажет иной: «пиар» — и продвинутый.

Пиаровская среда пропитана амбициями. Публичная профессия, «делатели успеха», «мозги босса», «носители политического красноречия» — за это стали неплохо платить, а где-то даже очень хорошо. За последние годы эта сфера расцвела, стала понятной, необходимой в мире бизнеса. Повысилась качество жизни — дорогая одежда, недешевая иномарка, загранкомандировки, дорогие чемоданы... Нет, конечно, не у всех — все зависит от босса. Чем значительнее босс, тем дороже чемодан у пресс-секретаря.

Любой студент сегодня уверен, что пиарщик — древнейшая профессия и приведет примеры. Культ личности — результат агрессивного пиара. Безголосая звезда эстрады — тоже дело рук специалистов по связям с общественностью. Куда ни кинь — сплошной «пиар».

Птичка на ладони

Институт пресс-секретарей у нас в области стал формироваться в начале 90-х, если вести счет от пресс-секретаря губернатора, светлой памяти Бориса Митюрева. В 1993 году впервые пресс-секретарь появился у мэра.

Это была я.

В пресс-секретари уходили из журналистики. Как ни крути, журналистика, по сравнению с пиаром выглядит свободной профессией. Пусть все относительно, но — вольная личность, свободный распорядок, творческий полет, ощущение собственной независимости и исключительности. У пресс-секретаря все с точностью до наоборот. Строгий распорядок дня, полная зависимость от «хозяина», действия в рамках, строго сверенное каждое слово, следование интересам структуры, которую представляет, и все-

гда — одна тема, например, энергетика. И так изо дня в день, из года в год.

Тогда, в 1993-м, мне казалось, что для журналиста работа пресс-секретарем в какой-то мере измена. Из свободного художника — в придворные писари? Из легкой порхающей стаи — в вышколенный чиновничий аппарат, живущий по законам беспрекословного подчинения? В общем, о свободе можно забыть. Ты — заводная птичка, клюющая зерна с ладони, поющая одну песню.

Чужая профессиональная среда — вот своеобразие работы пресс-секретаря. Вот в чем сложность. Журналист приходит в профессионально чуждую среду — административную, производственную, торговую и т. д. Если поймет ее законы, примет окрас стаи, сольет свой голос с ее голосом, полюбит, значит, приживется. Далеко не каждый журналист решится перейти на работу в пресс-службу.

Главная трудность пресс-секретаря заключается в психологической совместимости с первым лицом. Что должен и что не должен делать пресс-секретарь? Пресс-секретарь не должен лезть поперек батьки, брать на себя лишние функции, чуть ли не заменять руководителя в прессе, на экране, давать личные комментарии, на это есть специалисты различных подразделений. Его задача определить, кто и когда должен высказаться на ту или иную тему.

И все же на пиаровских должностях лучше быть журналисту. В иных компаниях общение с прессой поручалось сотруднику, отвечающему, к примеру, за технику безопасности, кадры. В результате — чехарда. Потому что пресс-секретарь — не только организатор пресс-конференций. Он должен уметь владеть словом, писать статьи, речи, сценарии, поздравления, обращения, пресс-релизы. При этом необходимо быть человеком коммуникабельным и тонким психологом. Пресс-секретарь не может работать со СМИ по принци-

пу «не пущать». Зная, что нужно руководителю и компании, он обязан обеспечивать рациональный подход к общению с журналистами.

Многолетний опыт работы в пресс-службе учит хождению по «минному полю» внутренней дипломатии, умению налаживания контактов не только с внешней средой — журналистами, но и внутренней. Обязательно встанет вопрос: на кого работаешь, кому подчиняешься. Как быть хорошим для всех, оставаясь творческой личностью, как быть публичным, не вызывая зависти тех, чья профессиональная деятельность не связана с радио, телевидением, газетами и журналами, которые способствуют личной популярности? Понимание этих внутренних законов приходит с годами, поэтому трудно избежать ляпов. Если нет в характере склонности к этой самой дипломатии, ляпы неизбежны. Популярность всегда задевает самолюбие и вызывает зависть. Деятельность пиарщика направлена именно на создание популярности. Это как сладкая конфетка: у кого-то она есть, и он облизывает ее на виду у всех, а у других ее нет — и они глотают слюнки.

А потому пресс-секретарь должен быть начеку, так как покушение на его статус ведется постоянно, и желающие покомандовать пресс-секретарем и пресс-службой найдутся.

Чувство вины здесь не покидает никогда. А так как я родилась с комплексом вины, то работа пресс-секретаря мне очень подходит. И даже, когда на горизонте ни облачка и можно вздохнуть полной грудью, расправить плечи, довольно оглядеть пространство, поблаженствовать на своем месте под солнцем, погреться в сиянии победных дипломов, — хлоп! Вмиг все погасло: опять в СМИ негатив, опять компанию обижают, обвиняют во всех смертных грехах, образ, над которым бьемся не один год, извратили, исказили, оскорбили. Кто виноват? Правильно, пресс-секретарь.

Помню себя в детском саду. Был обед, подали первое. Воспитательница стала проверять: все ли доели суп? Подошла ко мне: «Это ты не доела суп?», — и поставила передо мной чью-то тарелку с недоеденными овощами. «Это не мое!», — пролепетала я. Но воспитательница прикрикнула: «Немедленно доешь!». Я была послушная девочка. С тех пор мне нет-нет, да и приходится «доедать чужой суп».

Раз уж зашла речь о детском саде, как не вспомнить «счастливое детство»? Детский сад я ненавидела. Там противно пахло кофе и вареной капустой. Не помню, чтобы я была общительной девочкой. Одна, где-нибудь в сторонке, собирала жучков-пожарников в коробочку, пыталась учиться читать. Меня часто оставляли на ночь, а других детей забирали домой. Вот когда, наверное, поселилось в подсознании неистребимое чувство сиротства. Ребятишек одевали и уводили за руку, а я стояла возле своего шкафчика и горько плакала. Мне так хотелось домой, к маме и папе. Потом я также ненавидела пионерские лагеря за их казарменный быт. Обычно половину смены я бродила одна по территории и ревела. Мне нравились дождливые серые дни, когда кровати были заправлены «по-черному», на них можно было лежать и читать книжки. Тогда я с аппетитом прочитала роман Чернышевского «Что делать?».

Тень, знай свое место!

2004 г. Одна из пресс-секретарей крупного АО-энерго любила повторять: «Кто о чем, а пресс-секретарь о статусе». Каким должен быть статус пресс-секретаря — вечный вопрос. Конечно, можно, если позволят, стать тенью шефа. Он на совещание, и пресс-секретарь на совещание, он в поездку, и пресс-секретарь рядышком, шаг в шаг, след в след. Он в телевизионном кадре, и голова пресс-секретаря за его пле-

чом маячит, как бы давая понять: «Это я ему речь подготовил, и выступление в телевизоре я организовал». Нет-нет, это явный перебор, который шеф, в конце концов, не потерпит и лишнюю голову отсечет. Берегите голову.

Не стоит обманываться относительно своего статуса. Помните замечательную фразу из сказки Шварца: «Тень, знай свое место!». Какую выбрать дистанцию — вопрос индивидуальный. Ответ должно подсказать чувство самосохранения.

Бесконфликтен, безропотен, с извечным вопросом в глазах: «Чего изволите?». Вполне возможно, такой образ имеет право на существование и в природе встречается часто. Может, и более жизнеспособен. Ведь это мечта всех начальников — иметь такого подчиненного, чтобы «тапочки в зубах носил». Кстати, тем, кто собирается в пресс-секретари, не лишне перечитать известную комедию, а на строчки «не смей свое суждение иметь» обратить особое внимание. Да и над финалом пьесы стоит призадуматься человеку с ярко выраженной индивидуальностью.

Доверие — необходимое условие совместной работы. Оно может быть в официальных рамках, несколько выходя за официальные (например, можно рассказать шефу анекдот или пожаловаться на плохое самочувствие) и переходить в грань личных, когда шеф приглашает на дачу, на шашлыки. Бывает, пресс-секретарь исполняет роль генератора идей, политтехнолога, особенно у тех вивов, которые выходят на публичную орбиту, занимаются активной политической деятельностью. Тут нужен «свой в доску», который не сдаст, не продаст и не напишет после мемуаров.

Выходит фигура пресс-секретаря на «шахматной доске» должна в чем-то походить на ферзя. В действительности пресс-секретарь скорее пешка, близкая к королю, которая время от времени может выступить в защиту, прикрыть собой и даже быть «съеденной» противником.

Не случайно, как показывает практика, в пресс-секретарях долго не задерживаются: не смог противостоять дуновению вредных ветров, не угодил начальнику тем, как говорил в эфире, и... полетел пресс-секретарь, только крылышками «бьяк-бьяк-бьяк». А ведь еще недавно, казалось, был такой важный, при такой персоне состоял. Даже работу бывшему пресс-секретарю найти не так-то просто, ведь к нему приросло чужое лицо — шефа или фирмы, за которую «тельняшку рвал». Впрочем, это больше относится к тем, кто проявлял себя публично, и чей шеф фигура заметная. Большинство пресс-секретарей свое «я» не афишируют, держаться в тени.

Иной руководитель, дозрев до решения завести пресс-секретаря, мысленно рисует его образ. Воображение обязательно подбросит шаблон: красивая, самоуверенная девица начинает карьеру с того, что предлагает шефу поправить галстук, и уже совсем введя его в замешательство, советует сменить прическу, а то и рубашку. Такое агрессивное наступление на имидж, возможно, шефу понравится. Он может расслабиться, оказавшись в заботливых руках личного имиджмейкера и пресс-секретаря в одном лице. Теперь и рта не раскроет, не взглянув прежде на «визиря», понимание — с полу-взгляда. Счастье, если с таким помощником избежит шепота за спиной.

Если пресс-секретарь — мужчина, он представляется благообразным молодым человеком, в прошлом отличником, внешне похожим на комсомольского работника застойных времен, может, не очень талантливым, но зато исполнительным, послушным, дисциплинированным. Он скучноват, но предан, за что ему многое прощается, например, недостаток литературного дарования.

В реальности большинство пресс-секретарей — скромные работяги, находящиеся на почтительном расстоянии от шефа.

Кру-гом! Шаго-ом марш! Нет-нет, конечно, никто так не говорит. Но элемент военной дисциплины в работе пресс-

секретаря присутствует. Принцип взаимоотношений с высшим руководством такой: сказано — сделано.

Учись, студент!

Однажды, когда степень собственной насыщенности информацией о работе пресс-службы стала переполнять, поняла: пора делиться с народом, учить молодые кадры. На кафедре связей с общественностью Южно-Уральского государственного университета мое предложение встретили благосклонно. Итак, господа студенты, начинаю. Что есть пресс-служба, и зачем она нужна?

Чтобы мечтать о рождении такой структуры, как пресс-служба, руководитель организации, предприятия, фирмы должен обладать достаточной степенью честолюбия, придавать значение общественному мнению, стремиться к успеху, быть гуманитарно-образованным, представлять роль рекламы для предприятия, и то, как это может влиять на получение прибыли и политических дивидендов. Иметь такую структуру, как пресс-служба, реально может себе позволить не бедная компания.

Руководители энергопредприятий — технари. Поначалу для них было непонятно, какая польза от «пиара». Но это очень хорошо понимали на самом верху — в РАО «ЕЭС России». Чтобы провести реформу в энергетике, завоевать сторонников, необходимо было привести в действие старые механизмы — пропаганду и агитацию.

В 1998 году председатель РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс подписал приказ о создании пресс-служб в акционерных обществах. К чести Челябэнерго здесь пресс-секретарь появился еще в 1997 году в лице автора, что характеризовало руководителя Челябинской энергокомпании как «продвинутого» менеджера.

И тут не избежать вопроса «на засыпку»: каков эффект от вложенных в пиар средств? Руководитель всегда хочет видеть реальную отдачу: сказал слово в эфире — и сразу все изменилось, получил политический и экономический результат.

Работа с общественным мнением — процесс кропотливый, длительный, творческий. Но убедить в этом бывает трудно. Если нет мгновенного эффекта, у руководителя возникает недооценка значимости данной деятельности. Отсюда и статус пресс-службы «оставляет желать», отсюда не всегда профессиональные кадры здесь работают, а соответственно, и невысокая оплата труда.

Пресс-службы энергетических компаний сумели доказать свою необходимость. В большинстве здесь работают сильные профессионалы, которые по достоинству оценены своими руководителями.

На заре перестройки, когда существовали неразделенные по видам деятельности АО-энерго, основная работа пресс-служб была направлена на то, чтобы доказать необходимость оплаты за электричество и тепло, информировать общество о деятельности компании, защищать ее от нападок в прессе. Чтобы пресс-служба работала эффективно, руководитель должен четко понимать мотивации этой деятельности.

Любая компания, производящая продукцию, имеет своей целью получение прибыли. Пресс-служба — один из политических инструментов для достижения этой цели. Влияя на общественное мнение, подталкивает к необходимым действиям. Объекты деятельности — потребители продукции, структуры власти, партнеры по бизнесу, население, а также собственный коллектив. Каждое направление имеет свою цель и требует особого подхода, в зависимости от того, что от этой категории компания хочет получить — деньги, выгодный договор, общественное поощрение, политические баллы. С каждой аудиторией разговор идет на своем языке.

К примеру, возьмем потребителей. Это те, кто пользуются продукцией компании — организации, промышленные предприятия, население, сельское хозяйство и другие. Во взаимоотношениях с этими категориями долгое время существовала проблема — неплатежи. Задача пресс-службы состояла в том, чтобы объяснить потребителю на пальцах что такое «хорошо» и что такое «плохо». Аргументы примерно следующие: не платишь — значит, энергокомпания не купит топливо, не рассчитается с шахтерами, создастся нестабильная социальная ситуация, голодные шахтеры выйдут на улицы и будут стучать касками — мало приятного. Продолжаем: энергокомпания не отремонтирует оборудование, не выплатит зарплату — побегут в другие отрасли профессиональные кадры, работать будет некому — свет погаснет, электричества не будет, встанут заводы, фабрики, дети не пойдут учиться в школу, в больницах... Ну и так далее, и так далее, можно нагнетать до бесконечности тему значения света и тепла. На том, как важно для человека электричество, пресс-служба энергокомпаний «собаку съела». По правде говоря, неплатежи — проблема прошлого века, в настоящее время она не так остра. В этом есть заслуга и работников пресс-служб.

Наследие советских времен — убежденность в том, что за энергию можно было не платить годами, годами это мнение выбивалось из общественного сознания, в том числе, с помощью пресс-служб. Когда энергетики стали отключать за неуплаты, пресс-служба прикрывала эти атаки пропагандистскими действиями, смягчая их, а заодно и воспитывая нерадивых потребителей. Когда в обществе стало складываться негативное отношение к энергетикам, как к агрессорам, пресс-служба встала на защиту профессии, заговорив о ее важности, значении и всячески ее популяризируя.

Следующая категория, на которую направлена деятельность пресс-службы, — это власть. Где власть, там выборы, гонка за

собственным имиджем, политическая борьба. Власть — это тот политический институт, с которым невозможно не считаться. От взаимоотношений энергокомпаний с представителями власти зависит многое — влияние на потребителей, отношение партнеров, величина тарифа. В тот период, когда компания предлагает свои расчеты на очередной тариф за тепло и свет, последнее слово оставалось за властью, которую представляла региональная энергетическая комиссия. Тарифы, как правило, урезали. В итоге энергокомпания выходила с такими тарифами, как, если бы человек, заказавший зимнее пальто, получил бы в результате весеннюю курточку. Так у пресс-службы возникает функция убеждения через средства массовой информации уже по отношению к власти. То есть представляется возможность, апеллируя к общественному мнению, воздействовать на решение ко всеобщему удовольствию. Конечно, не все от красного словца пресс-службы зависит. Она наряду с другими подразделениями компании вносит свою лепту в результат.

Партнеры — категория особая. Например, шахтеры, у которых энергетики — основные потребители. Их зарплата напрямую зависит от платежей за уголь. Здесь возникают не только проблемы долгов, но и угроза отказа от продукции в пользу шахтеров другого региона, где уголь более качественный. СМИ не раз пытались столкнуть лбами шахтеров и энергетиков. Шахтерская среда активна, склонна к забастовкам. В недавние времена шахтеры периодически ложились на рельсы и грозили голодовкой. Поэтому шахтерская проблема — веский аргумент пресс-службы о необходимости своевременных платежей за энергию.

И, наконец, население. У энергокомпаний немало поводов, чтобы обратиться к этой категории потребителей: та же неуплата, воровство электроэнергии, цветного металла, информирование о тарифах, льготах и многое другое.

Таким образом, господа студенты, мы можем определить с вами функции пресс-службы. Это просветительская, защиты, управления, воспитания, рекламная, имиджевая, политическая, коммуникативная.

Просветительская. Говорим о том, что такое энергия, как она вырабатывается, рассказываем о наших предприятиях. Благодаря постоянной работе по просвещению пришло понимание того, что энергия — это товар, за который нужно платить.

Защиты. Защищаем компанию от нападков в прессе, информируем о решениях судов, призываем неплательщиков к выполнению гражданского долга.

Информационная. Представляем информацию о тарифах, льготах, правилах пользования энергией, о новых документах, постановлениях, указах правительства, вышестоящих органов, самой компании.

Управленческая. Публикуем в корпоративной газете материалы, относящиеся к выполнению коллективного договора, приказов по управлению компанией, мнения работников по той или иной проблеме, которые, возможно, повлияют на ее решение.

Воспитательная. Воспитываем чувство гордости за профессию, патриотизм, ответственность за компанию. Способствуем развитию корпоративной культуры.

Рекламная. Сообщаем об услугах.

Политическая. Реализуется особенно во время выборов, в которых может принимать участие руководитель компании.

Имиджевая. Создаем благоприятный образ компании и руководителя. Компания, вынужденная применять жесткие меры к неплательщикам, волей неволей приобретает образ врага в глазах населения.

Работа над созданием благоприятного имиджа не прекращается никогда, надо постоянно поддерживать «огонь в очаге».

Образ компании, который мы создаем, это — мощная, надежная, открытая, справедливая, профессиональная, стабильная.

Коммуникативная. Осуществляем взаимосвязь между компанией и СМИ, обществом и компанией.

Конфетке нужен фантик

Продолжаю свою преподавательскую деятельность совместно с классиками пиара. Имидж — это мера успеха. Экономить на имидже, значит его терять.

Кому нужен имидж? Во-первых, коллективу. Люди, работающие в компании очень чувствительны к тому, как к компании относятся во внешней среде. Отношение общественности затрагивает чувство собственного достоинства, собственной самооценки, является отражением социального статуса. Каждый работник — часть компании. И отношение к компании переносится и на него.

Имидж нужен руководству, так как помогает осуществлению целей компании, удовлетворяет личным амбициям. Имидж компании не остается постоянным. Если еще в конце 90-х Челябинерго воспринималось как грозный, мощный и жирный монополист, вызывало зависть и агрессию со стороны общественности, то в конце своего существования на него смотрели с тревогой, как на падающего гиганта: что будет, если он рухнет? К тому времени уже все понимали, что энергетика — основа жизнедеятельности, о чем неустанно твердила и пресс-служба.

Не надо путать имидж с репутацией. Компания хорошо работает, не обманывает своих клиентов, надежная — у нее добрая репутация. Репутация создается самим коллективом, человеком благодаря его труду. Репутация — вещь повседневная. Имидж, как красивое платье, нужен для продажи себя на

рынке. Если репутация — конфетка, то имидж — фантик. Вкусная конфетка теряется среди своих товарок в красивых фантиках. Когда имидж поизносился, его заменяют другим. К имиджу компании можно добавить уже такие качества, как «благородная», «отечески заботливая» (идет, к примеру, реклама ее благотворительных, спонсорских дел), «патриотичная» (действующая в интересах населения). Имидж, как старую одежду, можно выбросить и заменить другим.

Пресс-служба «дневно и ночью» направляет свои усилия на формирование имиджа, старается создать в обществе желаемое впечатление. Конечно, в этом процессе участвуют руководство компании, генеральный директор.

Какие пути создания имиджа в прессе? Можно рассказывать об истории и деятельности компании, ее продукции, услугах и тем самым создавать определенное впечатление. Компания своим имиджем должна производить впечатление не только на тех, кто имеет к ней непосредственное отношение, но и на тех, кто не имеет к ней никакого отношения. Хотя продукция — электричество нужно всем, мало кто вспоминает о производителях, когда включает вилку в розетку. Люди оценивают компанию, в первую очередь, как влиятельного субъекта общества. Судят о том, какова ее роль в экономической, политической и социальной жизни не только в регионе, где она находится, но и в стране.

Именно пресс-службе необходимо донести до общественного сознания то, какую огромную социальную ответственность несет компания, и насколько общество должно быть заинтересовано в ее успешном бизнесе. Ведь если энергокомпания будет плохо работать, значит, люди не будут получать ее товар — свет и тепло, не смогут осуществлять свою производственную деятельность, ухудшатся их бытовые условия. Задача пресс-службы — показать, что какие бы меры для своей успешной работы компания ни применяла, это де-

лается во благо потребителя, что компания дружелюбно настроена к конкретному человеку. Причем не надо забывать о дифференцированном подходе к разным категориям общества. Если обращаемся к потребителям, говорим о значении и качестве нашей продукции, акционерам и инвесторам даем информацию о финансовых делах, собраниях, для работников компании — выпускаем корпоративное издание. Внимание власти и бизнес-элиты привлекаем личными контактами, участием представителей компании в общественных делах, благотворительных акциях.

Сложность в том, чтобы создаваемому имиджу поверили разные группы общественности. Никому не нужен имидж, если он не пользуется доверием людей.

Имидж — это художественный портрет, а работники пресс-служб его живописцы.

Дзюнь-дзюнь-дзюнь! Урок окончен. Моя преподавательская деятельность продолжалась ровно неделю. Совмещение оказалось невозможным. Уж, если учить — так учить, а «летать — так летать». Господа студенты, ждем вас в пресс-службе!

Я вернулась к себе, «на поле брани и любви».

Море, пальмы, белый пароход

2004 год, июль. Пам-пам-пам, пар-ра-ра, пам-пам-пам... Это играют танго на аккордеонах две очаровательные девушки. Они улыбаются. Красота!

Море, пальмы, белый пароход... И я вся в белом, с длинным шарфом вокруг шеи, в шляпе с большими полями, откинувшись чуть назад, подставляю свое лицо ласковому ветру, который развеивает мои длинные кудри...

И тут входит заместитель генерального директора. Звуки музыки рождают в нем непривычные фантазии: море, пальмы, белый пароход, и он весь в белом...

— О! — восклицает «зам», и глаза его загораются нечиновничьим блеском, — вот это я люблю!

Территорией «братания» руководителей компании и журналистов мы выбрали Дом актера. Здесь уютно. Три небольших помещения функционально разделены: холл, зал со сценой и чайный зал.

Столы расставлены, на столах — закусочка, графинчики потеют с водочкой, загадочно отражает блеск вечернего огня красное вино. На столах карточки с фамилиями приглашенных. А музыка играет так весело... И мысль о том, что здесь тебя пытаются купить за бутерброд с икрой тает, тает... Все радушно, без намека на «ты — мне, я — тебе». За каждым столиком представители руководства в компании с журналистами. После третьей рюмки барьер неловкости пройден, становится шумно от разговоров, тостов, дружно выходят покурить и продолжить беседу.

Идея пресс-клуба пришла не вдруг. И раньше меня посещали подобные идеи на предмет душевного общения. Мы придумали пресс-клуб для того, чтобы искать общий язык с журналистами в неформальной обстановке. И на первой же встрече то ли в шутку, то ли всерьез первый тост звучал так: «Ничто так не сближает людей, как совместная пьянка». Неловкость снята. «Мундиры» на время повешены на спинки стульев. Общайтесь, узнавайте ближе друг друга, найдите общий язык, усмотрите в собеседнике человека, личность, а не просто функцию.

Мы придумали пресс-клуб, чтобы разрушить образ монстра, который был создан в СМИ, хотели быть услышанными. В том числе и так — под звон бокалов и звуки музыки. Хоть и древний, но эффективный способ, чтобы увидеть в другом человеке человека. Впрочем, приглашали мы людей лояльных, тех, кто и без наших «бутербродов» адекватно воспринимал тему энергетики или только собирался вспахать эту ниву.

Следите за лицом

Мое лицо принадлежит к тем, у которых «что на уме, то и на лице». Ах, если бы я могла управлять выражением своего лица как Элен Безухова в исполнении Ирины Скобцевой! Проплывать по жизни с легкой улыбкой на устах и выражением безмятежной самодостаточности в глазах. Но мое пролетарское происхождение постоянно подставляет подножки. А потому приходится следить за выражением лица, особенно на пресс-конференциях, когда вместе с ньюсмейкером находишься в поле зрения видеокамер и журналистов. Лицо модератора, то есть пресс-секретаря, должно изображать разумную сосредоточенность и контроль над ситуацией, даже если муха села на нос. Никаких эмоций, панибратства, перемигиваний с журналистами и улыбочек любимчикам. Впрочем, можно себе позволить легкую улыбку на дурацкий вопрос. Чуть извиняющуюся — за соответствующий ответ. Во всем — нейтральность, некая затушеванность — стушеванность, обезличенность, ни в коем разе проявления собственной индивидуальности и излишних телодвижений. Модератор — всего лишь функция. И только. А у функции не должно быть лица, вернее выражения на лице. Наконец-то, поняла, почему пресс-секретаря камера «отсекает» от шефа на пресс-конференциях. Скучное лицо. Вот если бы в затылке почесал или чихнул «кстати», а еще лучше прокукарекал — вот тогда другое дело. Поэтому, не плачьте, подружки, мое лицо вряд ли увидите крупным планом. Не моя пьеса, и не я в ней главную роль играю.

После пресс-конференции наш фотограф приносит фотографии. Вот — шеф, вот — я. Господи! Да у нас же одинаковые выражения лиц! Он улыбается — я улыбаюсь, он хмурится — и я туда же! Вот, что значит прониклась!

Браво, next!

Было бы странно, если бы в пресс-службу такой мощной компании, как Челябэнерго, в один прекрасный день не постучались студентки-практикантки. Добро пожаловать! Да мы со всей душой, рады помочь, научить, обогреть. Материнские чувства прямо так и захлестывают. Начинаем с общего обзора кабинета пресс-службы. Скромный взмах в сторону стены, украшенной множеством дипломов и бронзовой статуэткой крылатого коня — Гран-при одного из конкурсов.

Многоуважаемый шкаф

А теперь все внимание — на шкаф. А в шкафу — папки, папки. Это наше делопроизводство, которым мы очень гордимся. Каждый шаг, каждый «вдох» зафиксирован. Папки с письмами, служебными записками, приказами, фото, нашими планами и отчетами, указаниями от руководства, пресс-релизами и статьями.

Но самая толстая папка — с коммерческими предложениями от различных СМИ. Если бы каждое письмо имело положительную резолюцию, финансовое положение компании зияло бы брешами. В этих папках хор голосов — важных, писклявых, крикливых, басовитых, умоляющих и высокомерных, требовательных и неуверенных, но исторгающих одни и те же звуки, одно и то же, пристающих как Паниковский к Корейко: «Отдай миллион, отдай миллион!». В большинстве своем на этих письмах резолюция «к сведению».

А вот толстые тома — переплеты статей, которые выйдут ежегодно из-под пера журналистов и работников пресс-службы. В них — наша история. Ничто не улетело в корзину, аккуратно собрано, подшито и в конце года переплетено в книгу. Читайте, потомки, изучайте жизнь, историю, про-

блемы компании. За что боролись, в чем побеждали, что доброе после себя оставили. Это наш драгоценный архив.

А вот папка с нашими отчетами. Пренебрегать бумажной бюрократией чревато большими неприятностями, потому как вышестоящий на отчетах нижестоящего держится и тем свое существование оправдать может.

Руководящий нами департамент довел систему отчетности до совершенства, стараясь оправдывать свое существование. Только что там за цифры были и откуда они брались — это мало кого интересовало. Зато времени отчеты отнимали много. Не дай Бог, с отчетом запоздаешь, глядь, уже письмишко генеральному директору: наказать, объяснительную написать! Но это так, реплика в сторону.

Без бумажки человек — букашка. Аксиома. Потому отношение к бумажке, вернее, к отчетности, должно быть уважительное. Вдруг среди ночи разбудят и спросят: «А чем это у нас пресс-служба занимается?» А мы — хоп-хоп на стол наши бумажки. Все — вопросов больше нет. Так что пусть на всякий случай будут. И до поры до времени хранят в себе доказательства нашей бурной деятельности.

Остановись мы только на бумажной стороне дела, было бы и скучно, и грустно.

И вот уже юное дарование среди цвета журналистики — в пресс-клубе, в Доме актера. Шум бомонда. Глаза блестят: какие люди кругом, как весело и дружно поют «Надежду» и «как здорово, что все мы здесь...». Вот это жизнь! Вот это профессия! Первый пресс-релиз, как первый поцелуй, первое выступление на радио, первая пресс-конференция...

Но и это еще не все. И мы продолжаем учить. А ну-ка, выкрутитесь из такой щекотливой ситуации: газета перепечатала слово в слово твою информацию, а фамилию поставила другую? Так, щечки покраснели, слезки в глазках заблестели: авторское право нарушено — защищайся! Набирай

побольше дыхания и звони в редакцию... Нет-нет, голос дрожать не должен, правда — за тобой. Спокойно, в меру с достоинством, без заикания выговаривай припасенные аргументы: мол, нелишне об этике помнить... Ну, что сказали на том конце провода? «Будьте довольны, что информацию вообще напечатали»? Выпей валерианки и делай выводы.

Еще не так давно к работникам пресс-служб представители СМИ относились весьма пренебрежительно, но с тех пор, как видят в них потенциальных рекламодателей, ситуация резко изменилась. А раньше бывало: пресс-служба? Вот и служи! Неси в клювике информацию, сбегай, договорись, ковровую дорожку перед корреспондентом расстели и не стой на пути к персоне. И вообще, ты кто такой: а, ну-ка быстро доложи, мне с вашим начальником срочно поговорить надо! Так и норовили проскочить напрямую мимо пресс-службы. Порой удавалось особо одаренным рекламным агентам в коротких юбочках с красивенькими глазками «просклизнуть» в высокий кабинет, и они успешно решали финансовые проблемы издания и свои собственные. Но в основном в компании укрепилось правило: по всем вопросам, касающимся СМИ, направлять в пресс-службу. Было время, когда журналисты, в том числе и московские, толпились у дверей высоких кабинетов, сладкозвучно уговаривая простодушных и еще неискушенных по части пиара начальников явить себя народу, выложив за это немалую сумму какому-нибудь супер-глянцевому изданию, которое никто и никогда не увидит. Потом в компании поняли, что в отношениях с прессой должна быть система.

Сотрудники пресс-служб занялись «расчисткой территории». Журналисты смотрели на них, как на досадную помеху на пути «к телу». Пришло время, пресс-службы подтвердили свое право на существование и могли уже соперничать по части престижа с представителями СМИ, а по оплате труда даже

обогнали на каком-то этапе. Так что впоследствии немало журналистов с радостью принимали предложения перейти на работу в пресс-службу солидной, богатой компании. Правда, не все выдерживали — это вам не порхающая стая, это птичка, клюющая зернышки с ладони, у нее своя песня.

Но вернемся к нашим «красавицам, студенткам, комсомолкам». Учить — так учить! И мы отправились в пресс-тур в дальние электрические сети. Пресс-тур — наше детище из области «братания» с прессой. На практике это выглядит так. Набираем всех желающих корреспондентов и едем в какой-нибудь филиал в области.

Трясемся в «ПАЗике» по несколько часов, разговариваем, хохочем, поем песни. Романтика дальних дорог сближает. И вот журналистский десант прибывает на место. Здесь ждут и готовятся заранее. Первым делом всех вкусно накормят. Потом — экскурсия по предприятию, пресс-конференция, знакомство с достопримечательностями, а вечером — дружеские посиделки, а может даже шашлыки, остановка на озере. Ребята, красота! Уральская природа! Столько восторгов! Прощаемся с хозяевами — обнимаемся, целуемся, расстаться не можем. Все такие милые, хорошие! После пресс-тура собкор солидной газеты даже высказался так: «Я думал, энергетики — хищники, а они нормальные люди».

Особенно запомнился пресс-тур по крахам цветного металла. С помощью СМИ мы смогли показать весь ужас этой проблемы. Поваленные столбы вдоль дорог. Их сначала поджигали, а когда они падали, с них срезали провода. Деревни, поселки без света, трупы воришек-подростков, убитых током, бессилие власти и самих энергетиков против этого повального варварства. Тогда много вышло материала и на телевидении, и в газетах. Но изменилось ли что-то реально? Ведь такое творилось не только в нашей области. Эпидемия воровства цветного металла охватила всю страну. За

PR-проект «Всем миром против краж металла на объектах энергетики» Челябэнергo было отмечено дипломом в престижном московском конкурсе «Серебряный лучник». Правда, на меня обиделся директор электрических сетей: зачем опозорила на всю область, про кражи его проводов растрезвонила? Ой, а я об этом и не подумала! Все за державу переживала.

Ну, вот, кажется, все показали, рассказали, научили. Наши робких практиканток не узнать. Мы можем гордиться делом рук своих. Что сказать на прощание?

- Счастья вам, девочки! Планы-то какие на будущее?
- Занять ваше место!
- ?!..

Так тебе и надо, тетенька! Ну, что ж, bravo, next!

В стиле ретро

А попала я в энергокомпанию, пройдя длинный путь профессионального становления: два вуза — политехнический, где из меня через «не хочу» лепили инженера-теплотехника, его я закончила для папы и мамы, чтобы получить диплом о высшем образовании, и ничуть об этом не жалею. Потом был университет.

На третьем курсе инженерно-строительного факультета я впервые написала заметку в институтскую газету «Политехнические кадры». Так я попала в «птенцы гнезда Тулинского». Уже никогда не стать мне инженером: я вкусила сладкий «яд» творчества... Мне так понравилось писать в газету! С каким волнением ждала очередного номера со своей заметкой, и какая потом ходила счастливая и гордая! Это компенсировало мои страдания, которые доставляли сопромат, термех, высшая математика. Особенно нравились «моральные темы». Некоторые принесли известность автору, например,

«От Терпсихоры до Фемиды», «В свидетелях Весна», «Джинсы, мешочки и деловые мальчишки...».

С трепетом открывала дверь в редакцию. Там царила особая атмосфера. Высокий, стройный, всегда подтянутый, до язвительности ироничный и в то же время сентиментально-романтичный... Это шеф — Сергей Владимирович Тулинский. Он поражал своими нездешними манерами. Величественное раскуривание трубки, наполнявшее воздух ароматом «Золотого руна», густой, красивый бас, неизменная готовность к словесной дуэли. Что и говорить, в нашем маленьком театре шеф был главным исполнителем. А как тщательно работал он с авторскими материалами, какое тонкое у него было чувство русского языка, как был требователен к нам и как ненавидел халтуру! Я всегда с замиранием ждала его реакции. И, если хвалил, то уж точно материал был со знаком качества. Редакция времен Тулинского была классной школой журналистики. Нам здесь давали возможность пофилософствовать на равных с самим шефом, поспорить, задать важные для себя вопросы. Сергей Владимирович умел создавать неповторимую атмосферу богемы в редакции и собирать вокруг себя талантливых студентов. Из этих политехников потом выходили — поэты, писатели, журналисты, артисты, режиссеры. Здесь нас так любили, как не любили больше нигде и никогда. И эта любовь помогает всем нам по жизни. Через несколько лет после окончания ЧПИ я снова вернулась в «Политехнические кадры» и работала там корреспондентом в течение пяти лет. В феврале 2008 года мы попрощались с нашим Шефом. Но он всегда будет жить в моем сердце.

В 1987 году я закончила факультет журналистики Уральского государственного университета, на который не решилась по собственной неуверенности поступить сразу после школы и теперь с наслаждением сдавала экзамены по русскому языку и литературе.

Русский язык в Уральском университете стоял на пьедестале. Для журналиста грамотность по русскому языку — первое дело, ведь именно ты слово «понесешь в массы». Преподаватели одна «свирепее» другой. Перед экзаменом студенты тряслись, как зайцы под кустом. Русский язык преподавала С-на. Она относилась с таким трепетом к своему предмету, что страх стать жертвой ее презрения лично меня прочно усадил за учебники. Но именно я и попалась ей на удочку. Все случилось на экзамене. Беру билет, сажусь за первый стол: что мне прятаться за спины, я учила, шпаргалок не имею. И вдруг обнаруживаю, что от волнения вместо одного схватила два билета! Обращаюсь к С-ой: «У меня два билета оказалось!». «Как это произошло?», — подозрительно спросила она. «Наверное, прилип!», — оправдывалась я, чувствуя себя преступницей. С-на выхватила билеты и, поборов желание выгнать меня тут же, сказала брезгливо: «Берите другой билет и пересядьте!». Было обидно, хотелось крикнуть: «Я честная девушка!». Но время пошло, и я стала быстро писать ответы. Еще не успела закончить, как она назвала мою фамилию. Ни до, ни после я не испытывала такого удовольствия от сдачи экзамена. Выражение ее лица из холодного сменилось удивлением, оно становилось милым, доброжелательным, в подтверждение моих слов она уже кивала и только поправила: «надо говорить одновременно, а не одновременно!». И в конце поставила «отлично». С тех пор я стала отличницей по русскому языку, а С-на любимой преподавательницей.

Потом было много разных газет, в которых я, следуя указаниям коммунистической партии, клеймила несправедливость, боролась за народные права. В мое сознание годами учебы в школе и в вузах вбивалась мысль, которую в одном из многотомных своих сочинений высказал вождь пролетариата, что газета является «агитатором, пропагандистом и

организатором народных масс», инструментом борьбы за великое дело — построение всеобщего рая на земле. В это я свято верила большую часть своей сознательной жизни. Жаль, что столько времени потеряно на изучение марксистско-ленинского учения, бесконечное конспектирование, зубрежку догматов — в школе, институте, университете и плюс еще в университете марксизма-ленинизма. Потерянное время, которое можно было бы использовать на изучение настоящих шедевров философской мысли, литературы, искусства. Только много-много лет спустя, я открыла для себя тех, от кого коммунистическая пропаганда нас старательно «оберегала» — Шопенгауэра, Бердяева, Вольтера, Флоренского, познакомилась с Библией.

Берегите голову

Меня считали талантливой, но неуправляемой. Особенно «строптивость» проявилось во времена, когда работала редактором строительной многотиражки. А времена -то были какие! Партия призывала дать свободу редакциям клеймить недостатки, не взирая на личности. На партийный призыв могли откликнуться только простаки. Даже странно об этом вспоминать, но редактор корпоративной газеты, как сейчас называют многотиражки, решал самостоятельно, что писать, как писать, не советуясь с «хозяином». Вот оказывается, когда была свобода печати!

За такую свободу приходилось расплачиваться сполна. Попытки работников парткома строительной организации заставить способного сотрудника шагать в ногу и оставить вражеские вылазки в поисках справедливости в отдельно взятой биографии или ситуации ни к чему не приводили. Моя популярность в читательской массе росла пропорционально ненависти в рядах администрации и партийного руководства. Меж-

ду тем газета выходила, острая, интересная. Работа мне нравилась, несмотря ни на что. Придешь на стройку — там запах новой квартиры, женщины-маляры песни поют.

Мной пытались руководить малограмотные товарищи из парткома, но не знали как. А руководить надо. Получалось, я руководство игнорировала, разрешения на то, в каком направлении мыслить, не спрашивала, линию партии выполняла самостоятельно, увольняться по собственному желанию отказывалась. Тогда повели меня на разборки в горком под «белы ручки» сам секретарь парткома и «зам» по идеологии. Открыл «зам» записную книжечку, оказалось, моим грехам счет вели. Да только в горкоме умные люди работали, выслушали обе стороны, обозвали моих начальников «мелкашками» и выпроводили вон. А тут новый состав парткома образовался. Ему меня передали по эстафете с сертификатом «неуправляемая».

Эх, знали бы они, какой послушной и вышколенной делает меня работа пресс-секретарем сначала в администрации города, потом в крупной энергокомпании, где строгая иерархия и абсолютная дисциплина, где оплошность — как измена родине. И я старалась их не допускать, все время выходить с инициативами, отрабатывать задания так, чтобы все было «тики-тики» — ни к чему не подкопаться, на все сто! В общем, бежать впереди паровоза. Работа пресс-секретарем большого руководителя многому учит. Но до этого мне предстояло пройти долгий путь. Жизненная школа сурова, бьют больно, но уроки не проходят даром.

Мои родители были со мной строги. Помню всегда твердили: старайся учиться, потом — старайся работать. Да, все мы родом из детства. Все наши комплексы, и все наше будущее счастье или несчастье — все в нашем детстве. Я старалась.

А тигру мяса недодают!

В те далекие 70-е, 80-е мне нравилось писать на острые темы. Надо же, я боролась за справедливость в газете, учредителем которой были администрация, партком и профком, вопреки мнению учредителей! Для меня не было сомнений — кого обижают, те и правы! Из-под пера так и просились на бумагу метафоры, образы, аллегории, гиперболы, громкие названия — все ложилось в благодатную проблемную тему.

Помню, написала огромную статью. Суть ее была в том, что народившаяся в те времена госприемка и ее представитель считал госприемку высшей надстройкой над конторой, в которой он получал деньги. И по вере в правое дело яростно боролся с браком, который допускал завод, производивший конструкции для строительства жилья, короче, портил показатели. От него, решили избавиться, чтобы не мешал выполнению плана и получению премий. На первых порах товарищ упорствовал и сопротивлялся, как мог. Обратился в многотиражную газету за поддержкой. Так появилась моя громкая статья под названием «Кто в замке король?».

И что тут началось! Газета попала на стол руководителям высоких инстанций. Статью прочитали в райкоме партии. И... похвалили. Наверное, тогда меня и заметили там, наверху. Нет худа без добра! Возможно, эта статья стала своего рода пропуском на лестницу, ведущую вверх. Через несколько лет бывший секретарь райкома, впоследствии вице-мэр, порекомендовал меня в пресс-секретари главе администрации города.

А тогда директор нашей строительной фирмы был в бешенстве. «Эх, Нина Георгиевна, не думаете вы о своей голове!», — сказал мне один из работников парткома, получивший указание избавиться от неудобного сотрудника.

Только подкопаться было не к чему. А мне нравилось работать в газете, а газета нравилась читателям. Но атмосфе-

ра вокруг меня была гнетущая, и я ходила на работу почти с физической болью в сердце. Спасалась тем, что шла на стройку, в народ, писать свои репортажи.

Тогда решили действовать по партийной линии: наскрести фактов на персональное дело. Началась возня. Заведующая парткабинетом нашла три копейки неуплаченных партийных взносов от прочитанных лекций. Председатель партийной комиссии, с которым вместе бегали на лыжах, объявил, что, если я не уволюсь, на меня заведут персональное дело и выгонят из партии. В те времена лишиться партийного билета означало потерять работу. Все стало противно и безразлично. Я тихо уволилась, не имея уже никакого желания ни выпускать газету, ни воевать с парткомом. На прощание погрозили пальцем: «Партком, он и в Африке — партком!». Вслед донесся тихий вздох уже нового секретаря парткома: «А все-таки она была грамотным журналистом...». Кстати, бывший госприемщик нашел-таки общий язык со своими оппонентами, а потом госприемка приказала долго жить. Во время перестройки бывшие парткомовцы благополучно нашли себя в бизнесе.

Я ушла в районную газету. Нет, я точно как хазановский попугай, которого от одного хозяина другому передавали, куда ни попадет, обязательно свою натуру выкажет, несправедливость, видите ли, терпеть не мог. Молчит-молчит, а потом как заорет: «Хозяин вор-р! Тигру мяса недодают!».

Так вот и там достал меня еще один правдоискатель, историей которого я прониклась и безоговорочно приняла его сторону. На этот раз мой герой был знаменитый руководитель крепкого совхоза. Он попер против районного партийного начальства — и жизнь его превратилась в ад. Я знаю, что этот директор обращался не в одно издание с мольбой о помощи, с документальными доказательствами своей правоты и даже готов был щедро рассчитаться за материал. Но нигде не хотели портить отношения с партийным началь-

ством. Тогда обратился в нашу районную газету. А там я — любительница острых тем, которая «не думает о своей голове». Цена вопроса для моего героя была настолько велика, что автору статьи он обещал золотые горы, в которые я, правда, не очень верила. Но и без того прониклась, расчувствовалась, в платочек высморкалась и — за перо! Вышла моя статья под громким заголовком и наделала много шума. В знак благодарности мне пожали руку со словами: «Не каждый решится написать такой материал!». На том и расстались. Кто тогда победил, не знаю, но нервы мне потрепали противники моего героя. Знаю только, что здоровье он себе подорвал. А как же «золотые горы»? Да о них никто и не вспоминал!

Господи, помилуй!

В начале 90-х, когда начался бум предпринимательства, я создала свою газету, называлась она «Во имя Христа». Тут как-то посчитала: работала в 12 газетах, большинство из которых сама и придумала! Ну, нравится мне газеты делать! Они были самые разные — строительная, металлургическая, энергетическая, университетская, районная, лицейская, профсоюзная и даже религиозная.

«Во имя Христа» — первое просветительское православное издание в области. По форме — дайджест. Времена были тяжелые, а у меня была потребность помочь людям переносить разные житейские тяготы. Православие всегда интересовало, я любила церкви, церковную атрибутику и ритуалы, свечи, иконную живопись, благоговейно относилась к священникам. Много читала религиозной литературы и находила там ответы, которые могли бы помочь людям в разных житейских ситуациях. Я была одной из первых журналистов, кто еще в партийные времена обратился к православию. Подобной ли-

тературы было еще очень мало. Руководство страны и местные власти придерживались жесткого атеизма, хотя уже не агрессивного, но все же перст ко лбу еще не тянулся, и президенту со свечой до храма было далеко. И хотя просветительский отдел Московской патриархии поддержал и дал свое благословение, местный епископ отнесся к газете подозрительно. Кто такая, как посмела, что-то в храме тебя не вижу. Ну, прямо, как в старые добрые партийные времена.

А газета людям понравилась. Ведь там были материалы очень теплые, душевные, которые помогали человеку перенести горе, одиночество, утрату близких, учили простым истинам, объясняли евангельские притчи. Я получала пачки благодарных писем от женщин, стариков, заключенных. «Придите ко мне все униженные и обремененные, и я успокою вас», — таков был посыл в газете. Если бы прежний епископ Георгий поддержал во время, газета, может быть, жила бы до сих пор.

Без официальной церкви было сложно найти спонсоров. Газета вызывала у многих недоверие, да еще учредителем ее было «ИЧП Н.Г. Гавриш». Что такое? В те времена, когда партия была у руля, — нонсенс. И какие бы добрые отношения ни сложились у меня со многими священниками нашей епархии, и как бы они ни одобряли идею, я оставалась для них самозванкой.

А вот и нет. Сон мне приснился в те времена. Вижу на небе огромную фигуру Богородицы в белых одеждах. И держит она надо мной крест из звезд. Проснулась — в душе восторг. Спрашивала у всех и у священников в том числе, что сие означает? Никто ничего не мог сказать. А ответ я потом сама нашла в житие святой равноапостольной Нины. Когда прочитала, аж, «мурашки» побежали. Оказывается, Нине, которая родилась в царской семье в Грузии, приснился сон: Богородица держит над ней крест из виноградной

лозы и отправляет проповедовать православие. Что она и делала всю свою жизнь. Ее называют просветительницей Грузии. Разве это не знак! Меня зовут Нина, даже отчество у меня грузинское, и мне снится почти такой же сон. И я проповедую своей газетой православие!

Письма

То, насколько эта газета оказалась необходимой, ярким доказательством служат письма читателей, которые и сами по себе являются ценностью. Приведу здесь несколько за 1994—1995 гг.

«Дорогая Нина Георгиевна! Здравствуйте! Газета (№ 9—10) очень хорошая. Такая доступная, милая. Все понятно. Для меня в ней снова столько нового. Хочется написать отзыв. Но не обещаю, в жизни очень трудно! Но не обижайтесь на меня, на нас. Душой и сердцем мы всегда — всегда с вами, молим Бога за вас и вашу газету. Дай Бог, нам эти светлые минуты чтения слова Божия. Газету я прочла залпом. Буду, конечно, перечитывать. Тогда-то и явятся мысли, рассуждения. Я их запишу. У меня между всеми номерами газеты лежат черновики — мои мысли, но, к великому сожалению, лежат!

...Номер 3—4 газеты «Во имя Христа», знаете, где прочла основательно и где пишу? В больнице, после операции.

Первый материал в газете — икона «Господь Вседержитель на престоле» Не знала этой иконы, не видела. И вот теперь, благодаря газете, имею возможность рассмотреть каждую деталь. Спасибо вам, так как начинаю новый урок для себя — урок познания Бога и слова.

Затем материал — «Благодатная сила икон». Читаю и перечитываю. Логично расположенный, чудный материал.

Азы нашего познания. Так интересно, так захватывающе «Христос сам запечатлел себя на плате». Эту икону я всегда с благоговением рассматриваю в Свято-Симеоновском храме. Строгий лик и глаза словно вопрошают: по-христиански ли ты живешь?

Вместе с вами, Нина Георгиевна, я постепенно изучаю историю икон, сами иконы. Уже сколько их напечатала и описала ваша газета.

Чувство благоговейного отношения к иконе входило в меня постепенно, с самого детства. Постараюсь сейчас это раскрыть на своих воспоминаниях о дедушке Константине.

1935, 36, 37, 39-й — годы страшного гонения на церковь, на религию вообще, на священнослужителей — разорение церквей. Случилось такое и в родном селе Чистое, что в Курганской области. Красные вершили то злодеяние. Мишка Косолапов, односельчанин сбрасывал колокол. Снимали, бросали, рушили иконы, а дед Константин собирал их, таскал домой в свою избу. Сколько мог, сколько успел. Дед был совершенно неграмотный, но церкви всегда помогал, не просто посещал богослужение, удивительно четкой была его память. Он знал все церковные праздники наизусть, мог высчитать, когда Вознесение, когда Троица. Я вот только в свои 60 начала понимать, как это делается, а они-с детства. Человек получается определенный, организованный, цельный. Такого ни алкоголь не подкосит, ни наркотики не увлекут. Сила человека в вере в Господа нашего — Иисуса Христа.

Так вот, дедушка Константин за свое смелое спасение икон был гоним, преследуем, сидел в тюрьме челябинской. Как ни уговаривали дедушку отречься от Бога, от Веры, он не «поставил пальчик», не «сресовал крестик». Его, неграмотного, просили на допросах: «Подпиши бумагу». «Так я неграмотный». «А ты просто крестик поставь». «Нет, не

умею». «Ну, тогда просто пальчик приложи». Но дед оставался непоколебим. Четыре месяца сидел в тюрьме, простудил ноги, потом долго не ходил, но против Бога «крестика» не поставил.

Я отчетливо помню передний угол в крестьянской избе дедушки Константина. Местечка свободного не было. Весь заполнен иконами. Много-много икон. Иконы, иконы, иконы. И маленькие, и большие. И под стеклом, и с цветами внутри. Я особенно любила иконы с цветами: красиво! Дедушка нас, детей, не принуждал, не неволил, только сам усердно молился перед едой и после еды.

Здесь родилось у меня благоговейное отношение к крошечке земного хлеба. Как делил нам дедушка каравай хлеба, как боялся обронить крошечку, а случится, обронит, то тут же поднимет и отправит в рот. От той земной крошечки я легко перешла к другой, причащающей нас к Богу: «Тело Христово...» — источник нашей жизни.

Дедушка был глубоко верующим человеком. Ничто другое для него не существовало. Ни богатство, ни наряды, ни изобилие. Старенький, выгоревший на солнце пиджачок, родная завалинка и — седая, длинная борода. С тем и умер на русской печи, занеся над собой руку, чтобы сделать последнее крестное знамение.

Из тех родных икон и «переднего угла» дедушкиной избы у меня сохранилась икона «Знамение». Это мамино благословение. А мама получила ее из дедушкиных рук, когда наша семья в 35-ом году была вынуждена покинуть родное село. Так постепенно таял дедушкин «передний угол» — одну за другой отдавал он иконы, благословляя в горестный путь нас, других высылали кого куда, но больше на Северный Урал...

Газета всегда богаче моих познаний. Так сладок мне процесс познания науки Православия. Так что, как хотите, но

газета с чудным названием «Во имя Христа» должна жить. Ваша газета — само чудо, в неестественно трудных условиях появившееся и расцветающее. Смотрите, как хорошо просят вас прихожане из г. Петропавловска. Газета для них все равно, что учебник. Понимаете? Это же очень-очень хорошо. Мужайтесь, крепитесь и выпускайте газету «Во имя Христа».

Анастасия Михайловна Агеева, г. Челябинск.

Нина Георгиевна! Случайно встретившись с газетой «Во имя Христа», сразу решил вам написать с надеждой на вашу помощь.

Зовут меня Саша, нахожусь я в заключении, в тюрьме г. Златоуста. С проповедью о Боге я столкнулся уже в заключении, на воле я даже об этом не задумывался, что послужило моему падению столь низко, что писать страшно. Отбываю наказание я за убийство умышленное и ряд других преступлений. Вот надеюсь я, что вы поможете мне прийти истинно к Богу, исповедуя Веру Православную. До сих пор, как я в заключении стал искать пути к Богу, я сталкивался только с протестантами и благодаря им уверовал в Бога. Но я крещен в православной вере, к своей низости могу сказать, что более не был в церкви. И сейчас стараюсь искать близости с людьми, исповедующими веру православную, с теми, кто помог бы мне возрастить духовно своими советами, удерживал бы от греха и помог бы одолеть всякого рода искушения, кто направлял бы в благочестии меня.

Вот и хочу, Нина Георгиевна, через ваше издание обратиться к людям. Опубликуйте мою просьбу! Может, откликнется на нее человек, который будет мне вторым крестным отцом, вторым, потому что мои крестные не понимали то, чего они делали, присутствовали формально, а в

настоящее время духовно-морально опустились, спились. Родители также ни в чем помочь не могут, по той же причине... Мне 26 лет, а я не бывал в церкви, не исповедовался, не причащался. Какая это духовная пустота!..

Александр Васильевич Мартынов, г. Златоуст

Здравствуйте! Да благословит вас Бог! Пишу вам впервые. Хотя в редакции обращался и не раз. Много сравнивали вашу газету «Во имя Христа» с другими изданиями, выходящими в городе, отметил, что эту газету читают многие. Так как дома приходящий новый номер прямо вырывают из рук все домашние, а родственники то и дело звонят, когда можно прийти почитать. И читаем всю газету от корки до корки, и мы не откажемся от вас ни за какие деньги, за любую цену.

Известно, что такие газеты очень редки. У вас очень спокойный тон, чего не хватает большому числу газет. И действует газета успокаивающе....

О себе. Матвеев Глеб. Заканчиваю институт искусства и культуры, бибфак. Выписываю и читаю вашу газету с первого номера, и не хочется ее терять.

Глеб Матвеев, г. Челябинск

Здравствуйте, дорогая Нина Георгиевна! Вы меня, пожалуйста, извините, что я вас беспокою и отнимаю у вас золотое время. Нина Георгиевна, я вот уже четыре года на пенсии, и не знаю, как вас благодарить за вашу духовную газету. В 1992 году я купила ее в киоске и после этого по сей день выписываю.

Я с каждым месяцем жду ее с нетерпением и перечитываю несколько раз. Все номера складываю аккуратно в целлофановый мешочек. И через некоторое время опять перечитываю. За псалмы великое спасибо, что даете их в пере-

воде. Как хорошо, когда читаешь и понимаешь смысл прочитанного. Дай Бог, вам здоровья, Нина Георгиевна, и всему вашему коллективу. Чтобы всегда жила наша любимая газета. Чтобы мы, старые люди, да и все душевные, черпали для души покой и Божью благодать.

Нина Алексеевна Вожаева, г. Озерск.

Милая Ниночка! Доченька наша общая, здравствуйте! Оформляю скорее подписку! Газету получила. Прекрасно. Молодцы! Постарались. Содержательная. Столько познавательного, поучительного. Дай вам Бог, доброго здоровья. Храни вас Бог! Помогай вам Бог! Трудитесь. Вашей газетой, суть которой Божье слово, мы живы. Ждать долго, но зато — здорово. Пока прочла, хочется написать, поделиться. Низко кланяюсь, благодарю вас всех.

Анастасия Агеева, г. Челябинск

Благодарю вас, Нина Георгиевна, за газету. Этот раз она шла долго, и я очень испугалась, что ее не увижу. Сколько узнали я и мои близкие о Боге, о его Апостолах, о всех святых. Сегодня была впервые в церкви, низко всем поклонилась. Газета очищает душу, наполняет ее добром.

Как много узнала я за это время. Теперь уже понятны все праздники, названия дней, значение названий «Вознесение», «Покров», «Трех святых» и другие.

Эта газета помогла все узнать. Какие молитвы! Их учу наизусть. Мне 65 лет, сколько потеряно времени! Но и сейчас еще не поздно приобщиться к святыне и помочь близким и вообще людям. Познать доброту, не иметь зла, зависти, корысти. Спасибо всем тем, составляет и печатает газетные листы.

Спасибо.

Галина Федоровна Мицук, г. Челябинск.

Благодарю редакцию газеты «Во имя Христа» за вашу внимательность к нам, подписчикам. Благодарю и за содержание газеты. Газета нравится. Я с полным удовольствием буду дальнейшим вашим подписчиком. Я читаю много о Христе, покупаю иконы, посещаю храм в Еткуле, вожу милостыню и вкладываю, сколь могу, пожертвования на храм.

Особенно в данное время, когда меня постигло горе. Похоронила единственного сына в возрасте 37 лет. 6 июля 40 дней. Вечная память. Осталось трое детей, все они сейчас у меня.... Простите, что вам свое горе поделила. Я всю жизнь служила людям, все делаю добрые дела, всех жалею, помогаю, за что мне такая доля? Извините, пожалуйста, желаю всем добрым людям мира, счастья и здоровья. С приветом

*Вера Ефимовна Истомина,
Еткульский район, деревня Николаевка*

Больше уже никогда я не получала столько любви, тепла и признания, как в то время, когда выпускала газету «Во имя Христа».

Вероятно, к православию я пришла не случайно. По рассказам моего отца Георгия Сергеевича, его родители, мои дед Сергей Анисимович и бабушка Ульяна Васильевна, были людьми очень набожными. Они читали Библию, у них в избе собирались слушатели, которым они толковали прочитанное. Деда звали на отпевание. Отец мальчишкой служил звонарем в церкви. Его старшая сестра Ксения работала в монастыре в Челябинске, там, где сейчас располагается картинная галерея. Она занималась рукоделием.

У деда был, видимо, дар пророчества. Когда его сыновей — старшего Григория, среднего Георгия и младшего Константина — призвали на фронт, он благословлял их иконой Божьей матери. Икона выскользнула из рук и упала,

встав ребром. Дед тогда сказал сыновьям: «Один из вас будет убит, второй ранен, третий вернется невредимым». Так и случилось. Константин погиб. Отец был ранен, в госпитале ему ампутировали ногу, Григорий вернулся целым...

Моя христианская деятельность продолжалась почти до 1998 года. Но я так и не стала прилежной прихожанкой. Мой интерес ограничивался просветительством, духовным искательством и желанием помочь людям переносить жизненные тяготы. Я понимаю, что подошла непрактично к организационной стороне этого дела. Газета была моим душевным порывом, я не хотела церковного административного вмешательства, которое засушило бы издание, каждый шаг — только с благословения батюшки. Голова преклоненная, от жизни отрешенная, лобызание рук... Это не по мне. Я не догадалась делиться доходами с церковью. Считала, что своей газетой привлекаю многих людей к вере, помогаю им духовно — и в этом моя миссия.

Как нам доставались эти доходы — отдельная история. Часть газеты распространялась через киоски «Союзпечать». Там брали грабительские проценты и закладывали газету в витринах так, что среди множества изданий с рекламой автомобилей, унитазов, нижнего белья от газеты «Во имя Христа» выглядывал только заголовок, а икона была скрыта под товарами «первой необходимости». В киоске она терялась среди рекламных изданий. Я умоляла положить газету на видное место. Кто-то соглашался, а больше — нет. В стране еще атеизм крепко держал оборону. Некоторая часть шла по подписке — мы рассылали газету в конвертах. Я думаю, ни у кого не поднялась рука выбросить газету с иконами, многие ее хранят до сих пор.

Кроме того, мы газету продавали сами. Ходили с сыном по квартирам, пока нас не напугал пьяный мордovorot, по

электричкам. Мама продавала газету на железнодорожном вокзале и в поездах. Для нее это был не просто заработок. Ей нравилось, что появилась работа, общение. Она встречала очень много добрых, сердечных людей, чувствовала себя нужной. Но не обошлось без слез. Однажды молодой милиционер схватил ее за шиворот и буквально поволок к выходу, не обращая никакого внимания на мольбы старой женщины, а в другой раз проводница почти выбросила на ходу поезда. Но... не на ту напали: мама снова с пачкой газет шла на работу. Кто-то благоговейно ее брал, кто-то кричал, что надо раздавать бесплатно, кто-то злобно шипел вслед, а кто-то просил помолиться за близкого человека, поставить свечку.

Я продавала газету в автобусах. Помню, зашла в очередной автобус дальнего следования с разрешения контролера. Сидят пассажиры, я встаю у кресла водителя, начинаю свою речь. Вижу краем глаза возле ступенек мужчину с женщиной. «Хорошо говорит», — кивает в мою сторону женщина. «Есть захочешь, не так заговоришь», — последовал ответ. Были, конечно, и спонсоры, но так, чтобы концы с концами свести. Ходить да просить — нелегкое дело, да еще на религиозную газету, да еще «ИЧП Гавриш». И опять, что это, кто это? А ты сама-то верующая или как? А церковь тебя поддерживает или как?

Несколько слов о спонсорах. Короткое время газету скромно поддерживал теперь уже печально известный инвестиционный фонд, а тогда его название не сходило с телеэкранов. Герои рекламных сюжетов стали членами семьи каждого телезрителя. Народ стоял в очередь, чтобы сдать деньги в этот фонд! Проценты обещали огромные. Многие попались на этот «сыр».

Руководители фонда производили приятное впечатление. Газета им понравилась, и они решили подавать милостыню на ее издание. Однажды, когда я пришла в офис, меня поразили

пачки денег, которые навалом лежали на подоконниках! В другой раз удивление вообще не знало границ: пустой офис, на полу валяются какие-то бумажки. От фонда остался один сквозняк. Все исчезло, просто растворилось в воздухе, как мираж — и солидное руководство, и пачки денег на подоконниках. Может, мне все померещилось? Точно, померещилось...

Другой спонсор занимался бизнесом. Поддерживал газету довольно долгое время. Широкая натура, русская душа, гусарство... Кончилось тем, что, спасаясь от кредиторов, пустился в бега.

«Ну, а третий, что в поле ветер, ох, не отдай меня, мать!..» был известным политиком. Он готов был финансировать газету, но при условии, что его об этом попросит епархия.

«Ищите — и найдете, стучите — и откроют, просите — и дадут». И я ходила, стучалась в разные двери, искала варианты, чтобы сохранить газету. И однажды достучалась до высоких чиновников. Один год издание финансировалось из областного бюджета. Сыграли свою роль «ветер перемен» и «разгул демократии». Тогда менялось и отношение к вере. Но ларчик все же захлопнули: «Почему мы должны поддерживать православное издание, а не мусульманское? Пусть помогает церковь».

Как всегда я хотела оставаться независимой. Закулисная жизнь церкви мне не нравилась. Группа прихожан, воевала с епископом, желая поставить на его место своего духовника, как его называли великого молитвенника. «Великий молитвенник», как оказалось, особо благоволил к богатым прихожанкам, а впоследствии был осужден. Верные прихожанки писали на епископа клеветы в патриархию. Меня, как глупую овечку, тянули в свои ряды, предлагали написать про него разгромную статью за вознаграждение: он же не поддержал твою газету, «распни его!». Но, слава Богу, хватило ума не ввязываться в эти распри.

Вот лихое было время. Люди верили всему — ну просто вывалился советский народ из колыбельки, а тут и налетели черны вороны. Может кто-то помнит, пошла реклама по всем каналам телевидения: колокольный благовест, мужики бородатые, наряженные в народные рубахи, с топорами храм Божий строят. Люди добрые, помогайте всем миром! И звон колокольный, и звон колокольный! Как же, в селе Казанцево Челябинской губернии строится храм Андрея Первозванного, да такой, какого еще свет не видывал, больше самого Александра Невского в Петербурге! Ну, чисто мировой шахматный турнир в деревне Васюки!

Однако, видно, акция была хорошо продумана. Возле никому не известного доселе строителя, заявившего право на «мировое господство» стало крутиться много разного влиятельного люда. Деньги от рекламы на строительство храма текли рекой со всей Руси великой. Даже Влад Листьев прислал свой весомый взнос. На картинках храм выглядел очень внушительно, почетные гости за столом в деревенской хате не переводились. Их встречали хлебосольно. Поили из красивых сервизов. Сам «строитель» был скромненький, держался с достоинством, хоть и не умел связать двух слов. Я в то время работала пресс-секретарем мэра города, но ушла — мне хотелось вплотную заняться газетой «Во имя Христа». За освещение хода строительства редакции был обещан офис и материальная поддержка. Под обаяние грандиозных планов попала не я одна. Был организован крестный ход по закладке камня будущего храма. Где тот камень, и где тот храм — все исчезло, как в сказке о Золушке. И карета превратилась в тыкву. Сейчас уже никто и не вспоминает ни о храме Андрея Первозванного в селе Казанцево, ни о самом «строителе», то ли великом мечтателе, то ли великом аферисте — кто теперь будет разбираться? Проект провалился в черную дыру вместе с прочими финансовыми пирамидами 90-х.

И вот стою как-то у входа в церковь при городской больнице, продаю свою газету. Подходит ко мне невысокая женщина в песцовой шубке. «Вы меня узнаете?», — спрашивает. Я виновато улыбнулась: «Нет, не узнаю». «Я — жена мэра. Что ж вы так, Нина Георгиевна? — Она посмотрела на меня с жалостью. — Пришли бы к нему, он бы вам помог. Он всегда про вас говорил «способная девчонка».

А епископ Георгий уже почти взялся помогать газете, ведь упорная «самозванка» продолжала «нести людям слово Божье», несмотря ни на что. Но было уже поздно. Его-таки «съели», отозвали, и на его место пришел другой владыка. Встреча с новым епископом была короткой и безрадостной. Брезгливо полистав газету «Во имя Христа», он обозвал ее сектантской, задал несколько вопросов о церковном усердии и отправил подальше — в светскую жизнь. Вот когда я не выдержала. Шла по безлюдной, раздолбанной улице от епархии к остановке трамвая и выла в голос. Было горько и обидно за себя, за читателей, людей с нелегкими судьбами, которые так нуждались в душевной поддержке...

С проповедью христианства было закончено.

Любо, братцы, любо!

От христианства — к казачеству. В этом есть своя логика. В основе казачьей культуры — вера в Бога. Мундиры, шашки, черные усы, Григории Мелеховы на каждом шагу, песни залихватские: «Маруся, раз-два-три, калына, чернявая дивчина...», пляски, фольклор казачий, сапоги, нагайка, да воинственное желание послужить на благо отечества — все это мне очень даже нравилось. И я кричала на казачьих кругах вместе с «братьями-казаками»: «Любо! Любо!». Ох, уж эта патриотическая романтика! В казачестве тоже был момент несправедливости. Многие семьи были репрессиро-

ваны, культура в загоне. Казаки проповедовали патриотизм, честь, братство-все это мне близко. И я тоже считала, что современная Россия должна услышать справедливые требования казаков, дать им оружие, чтобы они могли защищать границы нашего отечества, воспитывать маленьких казачков-кадетов, а я должна помочь своим страстным словом! Так начала воспевать казаков на радио, телевидении, в газетах.

Тогда я работала в комитете по делам казачества областной администрации. Мы ездили по станицам, видели, какие среди казаков есть хозяйственные мужики, правильные, степенные, основательные, уже с предпринимательской жилкой. Кстати, бацилла предпринимательства быстро проникла в казачьи ряды и не вписывалась в мою романтическую схему. Она-то и ссорила одних с другими. И у казаков все было не просто. Их разрывали междоусобицы. Разделялись они на «правильных» и «неправильных». Всему причиной — амбиции лидеров. Кто в каких рядах пребывал, те и считали себя правильными, остальных — неправильными.

В этой многолетней войне двух группировок понадобилось мое острое перо. Я бросилась защищать «своих» казаков, совершенно не задумываясь о том, что меня-то, курицу романтическую, используют просто как орудие в политической борьбе. От противоположной группировки лихо песочил в газетах «наших» казаков «не наш» казак. Руководство комитета решило ответить тем же. Мне поручили написать материал в местную газету. Я атаковала «противника» статьей под громким названием.

Мое сражение на газетных полях за «чистоту казачьих рядов» сильно испортило настроение другой группировке. Я была вознаграждена рукопожатием атамана и по-военному коротким «спасибо». Потом началась долгая нервотрепка с разборками о покушении на репутацию, честь и достоинство, разбирательства в суде и в прессе, где уже были личные

выпады и в мой адрес. Мне это ужасно не понравилось: выходило не очень красиво — дрались мужчины за власть, а я попала в жернова. Кончилось тем, что «неправильные» казаки пришли к власти и сместили «правильных» и сами стали «правильными». Власть-то получили, а что делать с ней не знали, разве что свои коммерческие интересы реализовать попытались. Да и нет уже ни тех, кого смещали, ни тех, кто смещал, разбежались кто куда. Впрочем, неважно. Важно то, что раскол казаки так и не изжили. А мне пришлось искать новое место работы. Но когда звучит песня: «Скажи мне правду, атаман, зачем тебе моя любовь...», какая-то струна в сердце так и звенит ностальгической нотой, так и звенит...

Я не стала дожидаться, когда дорвавшиеся до власти «другие» казаки намылят нам «веревки» и решила сама перевернуть эту страницу своей биографии.

В объятия монополиста

Ну, вот хотела написать «совершенно случайно» и подумала: все случайности — цепь логических закономерностей, если смотреть глубже, а, если поверхностно, то, действительно, совершенно случайно забрела я в сувенирную лавку недалеко от Челябинерго. Рассматриваю разные интересные вещицы, красивые и дорогие, и вдруг слышу смех, такой залиvistый, какой был только у одной моей подружки детства. Оглядываюсь, точно, Танька ржет. Больше 30 лет прошло. Маленькая, пухленькая дамочка с круглыми веселыми глазками. Она не сразу меня узнала. Мы еле-еле выцепили из памяти обрывки детских воспоминаний, как вместе ездили в пионерский лагерь, как я приезжала к ней домой на велосипеде.... А она, худенькая, с огромными глазищами, всегда привлекала своим неистощимым юмором и оптимизмом. 47-летняя Татьяна оказалась такой же смешливой и очень

мудрой. Вся прелесть давних знакомств, прежних подружек детских и юношеских лет в том, что общение с ними, возвращает тебя на десятки лет назад, в то, беззаботное веселое время.

Вот так, с аппетитом облизывая мороженое, мы дошли до Челябинерго, этого монолита сталинских времен и архитектурного символа державности советской эпохи. Татьяна была здесь далеко не последним человеком, фигурой значимой настолько, что в дни рождения к ней буквально шел караван с подарками и цветами. И вальяжность, и безапелляционность, и легкий матершок — все ей было к лицу. Она угостила дорогим кофе, выкурила красивую сигаретку и невольно меня навела на мысль, а не попробовать ли устроиться на работу в эту организацию, о которой я в тот момент ничего не знала. «Попробуй», — пожалала плечами Татьяна. «А может, замолвишь словечко?», — крутилось на языке, но промолчала. Татьяна желания замолвить словечко не выказала. Да и, правда, на фиг оно ей надо!

В то время я была высокая, красивая, с длинными вьющимися волосами и стройной фигурой. Шутка. Мне было уже 47 лет, у меня были пышные кудрявые волосы — это правда, а остальное мечта моей жизни. Нет, все-таки 10 лет назад — была другая страна. Об Интернете только-только слух пошел, сотовые телефоны и не снились, а кадровая политика еще не имела такого резкого крена в сторону молодых кадров.

Преддверье захвата руководящих должностей двадцатилетними. Смотришь, ему 26, а он уже занимает высокий пост и вокруг него все на полусогнутых. Холеные и лощеные, или напротив стильно небритые, слегка небрежные, они уверенно занимали кресла красных директоров. Началось нашествие «менеджеров», детей англо-компьютерного века, смело и нахально рассекавших мутные воды приватизации, вау-

черов, финансовых пирамид и сумевших поймать свою рыбину в мутной воде. Амбициозные, американизированные, они безжалостно и с презрением сметали на своем пути пятидесятилетних консерваторов — плоды творения советских времен, технарей-профессионалов, не умевших, по их мнению, распределять «денежные потоки», привыкших к плановому хозяйству, единогласию поднятых рук. Такой пришла к власти команда РАО «ЕЭС России».

Дискриминация по возрасту была настолько циничной, что многие «красные» директора и пикнуть не смели, боясь за свое кресло. А с теми, кто пикнул, быстро расправились, да и многих, кто вели себя «прилежно», тоже попросили «очистить помещение» по причине несовременного мышления и внутреннего сопротивления новым веяниям, которое отражалось у них на лицах. Но это все было потом-потом, а пока я начала свои попытки устроиться пресс-секретарем. Успела в последний вагон: оставалось совсем чуть-чуть до «возрастной прополки».

Сегодня редко, кто решится взять на работу возрастную женщину! Вот для интереса открываю сайт, где ищут и предлагают работу — ничего не светит тетенькам не первой молодости, кроме сетевого маркетинга и страхового агента. Хотя они-то и есть самые ответственные, совестливые и патриотичные, трудяги-работяги, готовые вкалывать за копейки, при этом всем сердцем болея за общее дело.

Но пока я оставалась в областной администрации в комитете по делам казачества. Новое руководство комитета горело жаждой мщения, так что надо было торопиться.

Яволь, мой Генерал!

В энергетике я работала с тремя «генералами» — так меж собой называют генеральных директоров энергокомпании. Так

и буду называть их: Первый Генерал, Второй Генерал и Третий Генерал. Фамилии не так важны. Генерал, он и есть Генерал. Три генерала — три этапа моей энергетической биографии.

Приход в приемную генерального директора Челябэнерго мог повергнуть в трепет кого угодно. Его секретарь тех лет просится в отдельную строку. Большая, грозная и величественная, грубовато-прямолинейная, как рентгеном просвечивала каждого посетителя, быстро и верно оценивая степень его значимости, культуры, генетического наследия и почтения к ней, секретарю. Потом я почему-то представляла ее на старинной открытке в профиль — красивые черные глаза смотрят томно, нос с горбинкой, с оголенного полного плеча небрежно свисает чернобурка. Я была допущена «к телу» благодаря тому, что работала в областной администрации и правильно выстроила цель своего визита: предложения по налаживанию сотрудничества компании со средствами массовой информации. О поиске работы — ни гу-гу: кому нужны бедные и несчастные? Скажи я ей, что хочу здесь работать, быстренько отправила бы в отдел кадров, а оттуда — в даль светлую.

И вот вхожу в кабинет генерального директора вся в белом. И он весь в белом. Понятное дело — лето на дворе. Мой Первый Генерал был хорош собой. Ему было 47 лет — самый расцвет. В тот момент я пыталась убедить руководителя Челябэнерго в том, что ему необходим «паблик рилейшнз» и «имиджмейстер». Я так и сказала тогда не очень внятно «имиджмейстер» вместо «имиджмейкер», сама сомневаясь и путаясь в терминах. Ага, «имиджмейкер» — раскатала губу! Попробовала бы только намекнуть, что у него галстук не того цвета! За всем этим тщательно и успешно следила его великая Жена, как, впрочем, и за всей его деятельностью.

По части пиаровских терминов тогда еще мало кто разбирался. Пиар только входил в моду. Но все-таки в моей речи

что-то его зацепило. Он интуитивно чувствовал, что эта та сфера деятельности, которой ему не хватает. Надо отдать себе должное, я вывалила целый ворох разнообразных пиаровских услуг, в том числе предложила выпускать газету, да и козырь был у меня не мелкий — все-таки бывший пресс-секретарь действующего мэра, который был в ту пору в силе. «А почему вы ушли?» — спросил он, мне часто задавали такой вопрос. «Потом как-нибудь расскажу, когда будем вместе работать», — для придания веса загадочно сказала я, не имея в рукаве никаких загадок и тем более желания сплетничать о бывшем шефе.

«Хорошо, — задумчиво произнес Первый Генерал в конце беседы, — я вас понял. У нас есть человек, который занимается журналистами, но не профессионально. Свяжитесь с ним через какое-то время. Думаю, мы решим положительно». На том и расстались. Я вышла, ощущая оценивающий взгляд за своей спиной.

Если бы Челябинерго вдруг сменило декорации и превратилось в некий королевский двор, то он, занял бы не самое высокое, но важное место в окружении короля, его расположения искали многие. Мне не следовало давать прямолинейные оценки, выходя из жанра, но что делать, уж очень напоминает этот начальник хитроумного визиря — глаза и уши короля, для которого и кольца с пальца не жалко, лишь бы дело твое продвинул. Он всё про всех знал. Так что, переступая порог Конторы, надо было зарубить себе на носу: «с этим человеком лучше дружить». Я хотела дружить со всеми, только не со всеми дано было.

Так вот, названиваю в отдел кадров, все пытаюсь о судьбе своей узнать: берут меня, наконец, или не берут? В ответ то «позвоните завтра», то «еще не рассматривали», то «перезвоните на следующей неделе». Наконец, трубка со вздохом согласилась: надо, наверное, оформлять...

Что представляло собой Челябинерго десятилетней давности, вернее, его управленческий аппарат? Благополучная компания, где работали сват-брат, дети, внуки, знакомые знакомых. Устроиться сюда было не просто, работать — сытно и комфортно. Женщины демонстрировали свои наряды, все живо интересовались друг другом, в общем, жизнь текла по своим клановым законам. Когда появлялся новый человек, первый вопрос: чей ставленник, кто привел? Отсюда и отношение: можно кусать или нельзя?

Меня никто не приводил. Я пришла «с улицы». У меня не было ни знакомых, ни родственника в руководстве, ни мужа, занимающего, высокий пост. У меня были только старенькая мама и маленький сын. Когда все это выяснилось, поняли: меня «кусать» можно!

Если честно, я не придавала особого значения тому месту, где собиралась работать. Мне нужно было просто покинуть развалины казачьей романтики. Сфера энергетики для меня была чужой. Я еще кисло сомневалась, туда ли иду. «Да ты что! Ты будешь работать у самого главного энергетика!». Это сказала мне дама, сумевшая выстоять не в одну эпоху штатных потрясений. И в свои «далеко не восемнадцать» оставшаяся такой же легко-атлетически стройной, модной и всегда готовой к борьбе за место под солнцем. Просто пример для подражания!

В кабинете, напичканном сувенирами и безделушками, я, испытывая внутреннюю неловкость, протянула свой маленький подарок: я хотела дружить. Так у меня появился куратор. Ситуация была не нова и напоминала мой партийный гамбит. По всем профессиональным канонам пресс-секретарь должен подчиняться первому лицу. Посредник только помеха. Но у него было одно замечательное качество: любил правильный русский язык, что большая редкость, и потому достойно уважения.

Помню, как обсуждали мы с Генералом первый номер газеты. Какой делать? Цветной, на хорошей бумаге, чтобы «берешь в руки — маешь вещь»? Конечно, сказал он. И вот я — сама себе «режиссер»: и корреспондент, и редактор, и ответственный секретарь, выпустила первый номер. Он получился яркий, красивый. Наивная, уже собиралась отнести газету Большому шефу, протянуть, словно ягодку на ладони, и получить «свой банан». А тут мой Маленький шеф — прыг, ягодку — хватъ — и бегом к Генералу. Вот какой я, молодец! Так нажила я себе первого врага, который за спиной отпуская едкие комментарии в мой адрес. Но в стойло загнать так и не смог.

В своей должностной инструкции я написала столько пунктов обязательств, что хватило бы на десяток человек, и все их старалась выполнить. Газету выпускала, пресс-конференции проводила, пошли сюжеты по телевидению, на радио, статьи в газетах. Имя главного энергетика уже не сходило со страниц печати. Журналистский люд его обожал. Он обладал мощным обаянием, его внешние данные, манеры очень привлекали и казались нездешними. Но за внешними проявлениями стоял жесткий, целеустремленный и очень честолюбивый человек. Искусством дипломатии владел виртуозно. Мог очаровать любого — будь то женщина или мужчина, простой рабочий или высокий чин, при этом всегда держа дистанцию.

А я так старалась прославлять Челябэнерго, проникшись его проблемами, воспылав как всегда патриотической любовью к той сфере, где работала, что кое-кто шутил: «уже из каждой розетки» — об энергетике, «утюг включишь — и там Гавриш». Я так была увлечена работой, имиджем первого лица, что буквально ложилась и вставала с именем генерала. Как-то его Жена поднялась на нашу «колокольню» — по узкой винтовой лестнице на пятый этаж, где

располагался кабинет пресс-службы, пообщаться. Мы очень много и долго говорили на разные темы. Наверное, этот визит был своего рода проверкой на мою благонадежность. Потом вышли вместе на улицу. «Я вам благодарна, — сказала она, — вы так помогаете Ему!». И то ли в откровенном порыве, то ли с каким-то расчетом добавила: «Вы знаете, а ведь на вас бочку катят!». «Кто?» — сразу расстроилась я. Но она, видно, оставшись довольной моей реакцией, промолчала. «Будьте осторожны, здесь работают не простые люди», — дала совет на прощание и удалилась, красивая, высокая, благополучная. Можно было только догадываться, кто «катил бочку».

«Голос родины»

В четверг боюсь проспать я передачу,
Там по утрам «пугаю» я народ,
От слов своих сама я чуть не плачу,
Про электричество толкую круглый год.

Каждый четверг в передачах, редактором которых была Татьяна Худышкина, я взволнованно вещала на областном радио о важности оплаты за энергию, передавала «вести с энергетических полей». В конце программы Татьяна говорила: «Передачу подготовили Лев Борисов, Нина Гавриш. Вела программу Татьяна Худышкина». И хотя моих слов в передаче было от силы на 4 минуты, настроение становилось праздничным. Хотелось летать, прыгать по лужам и петь, задрвав голову к небу: ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля! О, как люблю тебя я, радио-среда! И тебя, моя добрейшая из добрейших, мама всем Каштанкам и Муркам, Татьяна Леонидовна, заслуженно Заслуженный работник культуры и местной журналистики.

На другой день, придя на работу, кто-нибудь обязательно скажет: «Слышали тебя! Молодец!». Мне очень нравилось говорить по радио, нравилось, как звучит мое «меццо-сопрано». И, правда, многие восхищались: «Какой красивый голос, какая дикция!». Вот похвалила себя, дай Бог, не последний раз, погладила себя, любимую, по головке. Иной раз и сама шутила: «Ну что, слышали «голос родины»? В те времена, патриотические слова об энергетиках очень были нужны. Особенно старательно я выговаривала имя Генерала. Ну, только фанфар не хватало каждый раз после этих торжественных слов. И — взмах руки вверх, и — гордость, и — наши лучше всех, в общем, мы — победим!

С журналистами радио у меня сложились теплые отношения. Особо хочется вспомнить некоторых из них. Наталья Занадворова — тихая, талантливая, с задушевым голосом, делала проникновенные передачи о жизни! Ирина Бушуева, такая способная! Как она смеялась в своих сюжетах, как тонко и саркастично выстраивала свой диалог с диктором Т-ым, которого она безгранично любила и от этого безгранично страдала. «Раба любви» называли ее. Лев Борисов — имел облик знаменитого писателя, полноватый с интеллигентской бородкой, душевный и пьющий, ироничный, любивший пошутить. Борис Дурманов был очень похож на Влада Листьева. Его голос бархатного тембра вкрадчиво звучал в эфире. Он гордился своим «радийным голосом», имел вальяжность в манерах, журналистскую интуицию и ядовитую презрительность ко всем и ко всему. Общаясь с ним, я всегда напрягалась в ожидании «укуса». Но все равно он был местной звездой. Его передачи звучали по пятницам. Последнее время, когда я слушала его по радио, у меня почему-то создавалось впечатление, что ему смертельно все надоело, и что ему хочется послать всех подальше.

И он послал всех... Вернее, они все послали всех подальше. Никого уже нет в живых! Это был цвет радийной журналистики!

А война в конце девяностых с энергетиками разгоралась ярким пламенем. Зарплату задерживали на три месяца. Эпоха взаимозачетов — полное безденежье. Расплачивались услуга — за услуга. Мутно-смутное время. В СМИ энергетиков не жаловали, так как началось отключение неплательщиков. Монополист, как страшное ругательство, прочно приклеился к энергокомпаниям. «Монополист ухмыляется», подсчитывая барыши, «монополист дергает за рубильник», погружая все во тьму, и тому подобное пестрело на страницах газет. Заказные статьи от крупных должников против Челябэнерго сыпались, как из рога изобилия. Воевали против тарифов, за право халявы на электроэнергию и еще за многое другое, которое мне неизвестно. Чтобы отвечать на все эти выпады, требовалось острое перо. Просто вала материалов по энергетике было мало. Нужна была хлесткая отповедь, которую мог дать человек, не только обладающий литературным даром, но и знающий проблему изнутри. Таким человеком был заместитель генерального директора по экономике Николай Михайлович Щапин. Он владел словом и устным, и письменным, был талантливым во многих отношениях, необыкновенно тонким, саркастичным, мог доходчиво объяснить проблему журналистам, за что его ценили, интеллигентным и каким-то педантично культурным. Любил в разговоре яркое словцо, острые выражения: «пусть цветут все розы», «сопливых вовремя целуют», «сделай, отец родной». Его тихая, небыстрая речь всегда была логически выстроена и доказательства убедительны. Многие восхищались его талантами, но не все считали его белым и пушистым. Его увлечение демократией на заре перестройки вызывало настороженность со стороны властей, за его политической активностью негромко наблюдали.

Ему-то и поручил Генерал отбивать атаки на страницах газет. В разгар боевых действий промышленников с энергетиками появлялись злобные статьи явно заказного характера. Оскорбительные, необъективные, они сильно задевали первое лицо энергокомпании. В ответ на одну из них вышла статья Щапина «Протестую против писанизма», язвительная, доказательная. Это был 1998 год. Авторы подали в суд. Но как написали в одной из газет, «в ответчиках Щапин ходил недолго». В конце октября его избili до полусмерти в подъезде собственного дома. 1 ноября он умер.

Его смерть меня потрясла. Первое объявление о случившемся по радио, некролог, фильмы, статьи, книга, вечер памяти — все это было сделано либо мной, либо по моей инициативе. Невозможно это забыть! По общему заключению, убийство было заказным, одним из серии произошедших тогда в Челябинске убийств предпринимателей, политиков. Версии были разные, причины назывались тоже разные, одна из которых, мол, хотели пригрозить Генералу.

На девятый день мы поехали на кладбище со съемочной группой. Мокрый ноябрьский снег, холм, весь покрытый венками и увядшими цветами, портрет, стая ворон, взметнувшихся в серое небо. Ни до, после так не выплеснулось сердечная боль в слово, как тогда. Я нашла строчки из стихотворения Сергея Есенина, которые и стали фоном к сюжету. После мне сказали, что именно стихи Есенина читал Щапин накануне гибели.

Так испуганно в снежную выбель,
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй, ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу.
Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.

Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.
И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Я читала эти стихи в фильме за кадром. Они шли на жутко щемящей музыке, в общем, мороз по коже. Когда закончили монтировать, пожали с редактором Женей Евстигнеевым друг другу руки. Очень сильный получился сюжет.

Необыкновенно трогательный был вечер, который я организовала в честь 60-летия Щапина в декабре 1998 года. Тогда читала отрывок о казни из книги Булгакова «Мастер и Маргарита». На словах Пилата, обращенных к Иешуа: «Ведь казни не было? Не было?», — не выдержала — зарыдала.

Тогда пришли не все заместители генерального директора. Возможно, кого-то он при жизни затмевал: очень много вопросов сосредоточил на себе, кого-то обидел.... И все-таки, незаменимые есть. Пусть не в кресле, пусть в сердце. И пусть теперь спорят, пусть разгадывают тайну личности Щапина, пусть восхищаются, пусть говорят гадости, пусть многозначительно молчат, пусть пытаются оценить степень успеха и степень вреда его деятельности, пусть заумно рассуждают о его либерально-демократических и политических увлечениях, пусть вообще недоуменно пожимают плечами, мол, много чести..., а все равно, хоть криком, хоть шепотом: незаменимые есть!». (кн. «Дорогие мои энергетика» — Н.Г. Гавриш).

В конце октября группа коллег и друзей Николая Михайловича приезжает на его могилу на Митрофановском кладбище, где он покоится рядом с любимой женой. С каждым годом эта группа становится все меньше и меньше.

Не затмевай начальника

Мои отношения с «генералами» строились по принципу: держи дистанцию, поменьше эмоций. Конечно, проколы случались. Как-то после очередного телевизионного сюжета Первый Генерал на утренней оперативке сказал: «Мне кажется, я не очень хорошо говорил!» и вопросительно посмотрел на меня. И тут я попалась: «Мне тоже так показалось». Но посоперживать не удалось, и дать совет я тоже не успела. Его взгляд стал ледяным: «А если так, то зачем вы мне нужны?». Я прикусила язык и зареклась критиковать первое лицо, записав себе правило: «Не порти настроение начальству, у него и без тебя проблем много». Какой уж там «имиджмейкер»!

Но не только Генерал часто появлялся в прессе. Сладкий яд славы вкусили и его заместители, которых мы пиарили наравне с ним, устраивая пресс-конференции, брифинги, интервью. Особенно нравились пресс-клубы — неформальные встречи с журналистами за праздничным столом, которые мы проводили в Доме актера. Под музыку и пение наводили неформальные контакты, глядишь, рука не поднимется писать плохо о компании!

Времена были такие, когда клевали со всех сторон, и надо было успевать отбиваться. Шефа «берегли», лишний раз не подставляя под удар острых вопросов. Так нередко конфликтные ситуации «разруливали» на пресс-конференции заместители, естественно, по согласованию с генеральным. Их лица появлялись в газетах и на экранах телевидения. Публичные выступления в прессе некоторым стали необходимы, как наркотик.

Не затмевай начальника — эту простую истину должен помнить тот, кто стоит ступенькой ниже. Первого Генерала затмить было трудно, он был и красноречив, и красив, но вызвать ревность было можно: имидж компании — это, в

первую очередь, имидж первого руководителя. Это его игра, он определяет политику. Ему надо быть популярным, знаменитым, авторитетным, он — лицо компании. Вряд ли Генерал был доволен тем, как «звездят» с моей помощью его подчиненные, но ради дела терпел. Своим усердием я скорее вызывала у него глухое раздражение. Наконец и до меня дошло, что нельзя лепить конкурентов начальнику собственными руками.

Впоследствии, когда сменилось «лицо», кое-кто уже беззастенчиво тянул «пиаровское одеяло» на себя. Я сопротивлялась, полагая, что тем самым защищаю интересы Генерала. Ну, прямо как «верный друг человека».

Между тем, находились «говорунчики», во время выступления которых на телеэкране у зрителей невольно возникла мысль: вот, кому надо быть главным! Так зародился конфликт с любителями саморекламы.

Был период во время работы в Челябэнергo, который я обозначила как «заговор замов». Одному из них хотелось много «пиариться», его тщеславие не знало границ. Он все время пытался командовать пресс-службой. Но ему плохо удавалось, а потому искал повод для моего увольнения, всячески стараясь отравить мое существование в компании.

У каждого Моцарта свой Сальери.

И вот на одном из совещаний мне устроили разборки. В зале заседаний за овальным столом собрались все замы. Компанию тогда возглавлял Второй Генерал, который посматривал на все это как бы со стороны: пусть потешатся ребята. Один из участников совещания, который тоже затаил на меня обиду, задал такой вопрос: «А чувствуете ли вы, Нина Георгиевна, как руководитель пресс-службы, свою вину за то, что до сих пор не повышены тарифы?». (Да здравствует святая инквизиция!). Довольный изощренным политическим подтекстом, под молчаливое одобрение собравшейся публи-

ки, с которой вместе прыгали на волейболе, он поднял на меня полные печали за судьбу энергетики глаза. Конечно, сказала я, очень даже чувствую свою вину за все, что происходит на белом свете. Я вообще родилась с комплексом вины! Участники совещания запереглядывались: вот, видите, мы же говорили.... Другой «подсадной» выступающий озвучил еще один мой страшный грех: мол-де, молодые кадры гнобит, ходу не дает, студентку способную (да еще и симпатичную!) уволила. «Так, у нее же практика закончилась!», — оправдывалась я. Генеральный усмехнулся в усы: все понятно, «шерше ля фам». Показательное бичевание сорвалось.

Проводила я как-то пресс-конференцию одного из заместителей Генерала. Этот господин («товарищ» уже выходило из моды) вызывал восхищение: опрятен, виртуозно умен, вкрадчиво любезен, дипломатичен, подкупал начальство своей понятливостью: партийно-комсомольская школа не прошла даром.

В Челябинерго он явно приземлился ненадолго, «укрепиться крыльями». А потому популярность ему была особенно необходима. Так вот, на его пресс-конференции я посмела высказать реплику в адрес корреспондентки телевизионного канала, которая искренне не любила энергетиков и для черноты картины слегка привирала в своих репортажах.

О, это вечная жажда скандала, сенсации! В какие только дебри она не заводит пишущую братию. И что бы та корреспондентка ни говорила в эфире, всегда выходило, что причины всех бед нашего не очень счастливого населения — «нехорошие дяденьки с рубильником»: и в том, что коровы от голода мычат, и в том, что урожай селяне недовырастили, и в том, что крыша у дяди Васи течет. И так ее несло на этой «патриотической волне», что, порой, захлестывало. Случались явные переборы. В общем, укусы были мелкие, но довольно болезненные. Со стороны можно было подумать, что

ею движет праведный гнев, и она обнажает свое острое перо в защиту народа, хочет докопаться до истины. Человек хочет справедливости, а это достойно уважения.

Мы предлагали ей разобраться поглубже в теме. Но ей это было не нужно. Чем скандальнее сюжет, тем больше популярности! Чего только ради нее, родимой, не сделаешь, стоит только открыть газету или включить телевизор.

Никому нет дела до оптимизма в глазах российского народа. С самого утра трах-бах по мозгам катастрофами, убийствами, вирусами. Лучшая новость — плохая новость. Никто не контролирует баланс плохих и хороших вестей. А когда-то «наш рулевой» зорко отслеживала этот момент. И народ, возможно, жил хуже, но на жизнь смотрел бодрее. И за столом песни пели. А тут как запоешь, когда кругом такое творится! Плакать надо, граждане, плакать каждый день! Ведь каждый день нам страшную сказку рассказывают. Если страстей-мордастей на своем континенте не хватает, мы их на другом континенте найдем.

А теперь вернемся к ситуации, описанной выше. Не думала защитница народных интересов о пресс-секретаре Челябинерго, ох, не думала! Чем больше наша «подружка» запускала ядовитых стрел, тем зыбче становилась почва под ногами пресс-секретаря, то есть, под моими. И вот, наконец, после очередного сюжета с «ложкой дегтя» Первый Генерал задал вопрос: «А почему вы не работаете с Б.?» «Я не виновата, что она испытывает пролетарскую ненависть к Челябинерго!», — выпалила я. «А вы что испытываете к Челябинерго?», — последовал жесткий пас. «Что мне перед ней на колени становится?!», — не смогла промолчать я. Мне бы идти искать консенсус с Б., а я дерзить вздумала.

Хотя я всегда считала, что у этой журналистки своя песня. (Ой, слышу голос: «Да кому интересно твое мнение! Она, видите ли, «считала»! Делала бы, что говорят!»). И

все-таки: да, нам не нравится то, что она говорит в эфире, но нельзя же всех покупать, чтобы слушать одни дифирамбы! Зачем ее лишать своей песни, тем более, если она «поет» от всей души? А так как ее любимая песня была «вредный для общества монополист», то мне еще долго пришлось пожирать плоды ненайденного консенсуса.

Тогда на пресс-конференции от замечания в ее адрес и моего патриотического порыва ньюсмейкера передернуло. Он постарался мягко вырулить. А после, приобняв за талию корреспондентку, увел ее на чашечку чая для окончательного улаживания конфликта.

Влекомая чувством «присущей мне вины», смешанным с желанием сказать доброе слово по поводу его талантов, я зашла в его кабинет. «Вы очень хорошо провели пресс-конференцию», — выдала я свой неуклюжий комплимент в качестве извинения. Он зло блеснул очками в желтой оправе. «А вы — нет!». Я молча села без приглашения, приготовясь к самому неприятному. «Знаете, — начал он, — вы можете быть хоть трижды «золотой», но скажу вам откровенно, ради вашей же пользы, — продолжал бывший идеолог, — если о вас плохо говорят, все ваши успехи ничего не стоят!», — заключил он. «Кто плохо говорит (ну скажите уже, наконец, в чем моя вина)?», — враз поникнув, выдавила я. «В тех кругах, в которых я общаюсь», — загадочно и важно произнес он. Я мысленно пыталась представить себе эти «круги».

Бог ты мой, знал бы он тогда, как будут говорить о нем, и что напишут журналисты, с которыми заигрывал, когда за организацию схемы взяток окажется в таких «кругах», которые могли присниться только в страшном сне.

Монополист рухнул, тема энергетики утратила привлекательность для той журналистки. Она обратила взор на природу и теперь несет людям только положительные эмоции.

На поле брани и любви

Девяностые годы начались под грохот перестройки. Страна, резко затормозив на пути к коммунизму, проскочив, как сквозь мираж, его светлые горизонты, начала прокладывать новую дорогу к берегам благоденствия. Естественно, в поезде, где неожиданно рванули стоп-кран, с полок попадали чемоданы на головы пассажирам. В народном хозяйстве началась неразбериха. Но энергетика в тот период чувствовала себя увереннее остальных. Несмотря на обвал в экономике, она продолжала надежно и бесперебойно выполнять свою миссию — давать свет и тепло. «Энергетика погибает последней», — любили повторять в те времена как заклинание сами энергетики.

С энергетиками тогда воевали железная дорога, крупные промышленники. За энергию платить не хотели. Считалось, «солнце разлито поровну, а значит, по справедливости», свет и тепло тоже подавай бесплатно. Энергетики, в свою очередь, не рассчитывались за уголь, газ. Шахтеры устроили бунт, демонстрацию у «державного крыльца». Крик, ор, свист, ну только что окна не били. Глава Челябэнерго принял делегацию шахтеров и спокойно объяснил ситуацию. А сколько таких ситуаций было!

Еще один важный партнер и кредитор энергетиков — газовики. Требуя возврата долгов, они тоже прибегали к решительным действиям. Иногда отношения с газовиками обострились до такой степени, что доходило до крутых разборок. И тогда без предупреждения в здании управления Челябэнерго появлялись судебные приставы в сопровождении автоматчиков. Игнорируя охрану, они невозмутимо прыгали через турникет, штурмом брали кассу, скрупулезно описывали имущество, рылись в бумагах, вскрывали сейфы и вступали в изоощренную перепалку с юристами и экономистами управления,

сплошь женщинами. Те покрывались пятнами, но стойко выдерживали натиск. Вспомнила свой стишок тех лет.

А если прыгнет через турникет
Судебный пристав к нам по праву,
За «генерала» мы пойдем
В огонь и в воду всей «управой».

О «генерале» пресс-секретарь не забывает нигде и никогда.

Яростный накат против энергетиков в прессе был вызван тем, что начала робко заявлять о себе рыночная экономика. Заржавелая марксистская формула «товар — деньги — товар» медленно, но верно приводила в движение механизм купли-продажи. Социалистический рай исчерпал свои резервы.

Вот тут пресс-служба оказалась как нельзя кстати. На всех печатных и эфирных «перекрестках» мы кричали про то, что за энергию надо платить и бичевали словом должников. Мы чувствовали себя такими нужными, такими востребованными!

Вот уж точно: кому — война, пресс-службе — мать родна.

Мы организовали такой вал материалов в защиту компании, что даже губернатор как-то сказал шефу: «Да уйми ты свою пресс-службу!». Вот цитата того времени из моей статьи, опубликованной в журнале «Советник», как доказательство нашей «страстной» пропаганды.

«Электричество — это не валенки, которые можно положить на склад и ждать за них денег. Трубы станций продолжали дымить, котлы выдыхать пар, турбины-трудяги, не привыкшие отдыхать, электричество производить, день и ночь посылать его в дома, на заводы, в города и села.

Кстати, о селах. Бедное, вечно просящее милостыню, а потому несчастное село всегда было на особом положении у власти. Не имея возможности, а может, не умея вытянуть из болота это больное хозяйство, в советские времена власти оставалось только одно: подавать ему милостыню в виде бесплатной энергии, то есть за счет энергетиков. Долгое время над селом, словно звезда во тьме, сиял призыв: «Не платите, вам за это ничего не будет!». И не платили. И никому ничего за это не было. Постепенно поле чудес начало превращаться в поле брани».

Вот читаю эти строки и думаю, сколько же копий сломано на этом поле брани, сил душевных, нервов потрачено! Сколько сказано, написано на эту тему. Если бы все превратилось в материальное, имеющее вес, были бы груды, тонны! Никто не хотел слушать никаких доводов. Те, кто кредитовался за счет энергетиков, натравливали на них прессу. Пресса — мальчики и девочки, искренне воевали с энергокомпанией.

Достаю из шкафа толстый переплет статей тех лет. По одним только заголовкам становится понятно, какого накала достигали страсти: «Метод рубильника», «Одним движением рубильника энергетика сгубили...», «Руки прочь от рубильника!», «Сила на силу», «Диктат монополистов» и т. д., и т. п. Ладно, хватит бередить душу. Захлопываю сборник. Фу, пыли-то сколько исторической накопилось! Как ни странно звучит, самые сильные страсти кипели в прошлом веке. Однако наш «скорбный труд» не пропал даром. Все теперь понимают, что за энергию надо платить. И что теперь, пресс-служба не нужна?

Шагом марш на создание имиджа!

Нужна, еще как! Кто говорит, что его не волнует общественное мнение, лукавит. Как солнце на горизонте, огром-

ное и красное, всходит могущественный и непонятный, в «аглицких» одеждах.... ИМИДЖ! Имидж — верная дорога к известности, к почету, славе и деньгам.

Пресс-служба, смир-р-но! Шаго-ом марш на создание имиджа!

Первый Генерал становился все более популярным. Он круто набирал обороты. Умело отвечал оппонентам. Красиво и логично выстраивал речь перед телекамерами и на пресс-конференциях. Он вызывал ревнивую зависть у первых лиц города и области. Рядом с ним они казались какими-то невзрачными, простоватыми. Глядя на Первого Генерала, всегда думалось: этот далеко пойдет. Ох, заберут его от нас, вздыхали в Челябэнерго. С упрямой периодичностью возникал слух, что вот уже забирают в Москву, то будто бы в министры прочат, то еще куда-то в высшие слои власти. На худой конец — в губернаторы выберут. Его рейтинги превосходили рейтинги других официальных лиц. Похоже, все эти разговоры, могли подпортить карьеру. Тогда в местной газете появилась заметка от его лица под названием «Уберите меня из рейтинга!». Он поступил как истинный дипломат, решив не только положить конец слухам, но и предстать скромно и достойно в глазах общественности, тем самым, вызвав у общественности еще больший восторг. Написал заметку референт, на которого я в свое время обратила внимание шефа. Это молодое дарование работало в отделе экономики, где проявило себя умным, грамотным, к тому же, литературно одаренным — так что идеальнее референта было не сыскать в ближайших окрестностях. Документ ли подготовить, статью ли в газету написать, добыть ли нужную информацию — все мог исполнить чистенький, тихий, вежливый юноша. Вскоре шеф без его услуг уже не мог обходиться.

Как-то журналист, с которым вместе готовили телепрограммы по энергетике, рассказал в порыве откровенности, что

вся журналистская братия полгода назад узнала, что «дни мои в Челябэнерго сочтены». Оказывается, приговор «эта женщина здесь работать не будет», объявил референт «его величества». Вот те раз! Может, он поторопился озвучить то, что было почти решено и тем самым лишней раз подчеркнуть свою значимость? А, может?.. Нет, это только догадка, та пресс-конференция с «экс — комсомольцем» аукнулась? А когда, во Всероссийском журналистском конкурсе «Пегаз» мне присудили Большую золотую медаль, казнь отложили?

Эх, вы «кони», мои «кони» «Пегазы», сколько раз вы меня спасали!

«Мальчик, что тебе я сделала? За что ты меня так ненавидишь?», — не утерпела, как-то прижала в углу бледного юношу. Он промолчал. Впоследствии, переходя на другую работу, генеральный забрал его с собой. Карьера бывшего референта сложилась успешно.

2000 год. Балкон ресторана «Уральские пельмени». Стоят девчонки, стоят в сторонке. Это мы стоим, красивые, среди огромных букетов роз с секретарем юбиляра. Высокие гости дефилируют мимо, не отрывая от уха сотового телефона. Где-то там, в недрах ресторана среди почетных гостей поздравляет Генерала сам Чубайс. Гремит музыка, город окутали вечерние сумерки, таинственно мерцают синие огни фонарей. «Что-то нас никто танцевать не приглашает...», — вздыхаю я, чувствуя себя лишней на этой ярмарке тщеславия. «Хм, чего захотели! Это же небожители!», — многозначительно изрекает моя коллега.

Юбилейное шоу имело, конечно, политический подтекст и было одним из звеньев цепи, тянувшейся в Москву, если не в Кремль, то, по крайней мере, на проспект Вернадского, где располагался огромный офис РАО «ЕЭС России».

Прощай, «Титаник»!

Казалось, мы находимся на тонущем «Титанике». Реформа энергетики огромной лавиной докатывалась до наших периферийных берегов. «Все будет куплено и все продано проамериканскими менеджерами», — гудело, словно улей Челябинского энерго. Да что там! За последний оплот социализма — энергетику, монопольное право на нее государства бились, хоть и нестройными рядами на самом вершине, в том числе, бывший министр энергетики Виктор Кудрявый, советник президента Андрей Илларионов. Горячие дискуссии и самые мрачные перспективы пронизывали общество сверху донизу. «Молодые волки», так называли реформаторов, вытряхнули страну из советских штанов. Нелюбимые еще со времен ваучеров, когда показали народу кукиш, теперь взялись за энергетику, неустанно, яростно, красноречиво отбивали атаки на всех трибунах. Ненависть и восхищение окружали Чубайса. Одни называли его «врагом народа», те, кто знал ближе, приходили в восторг от его энергии, бойцовой хватки, эрудиции и смелости. Он был Бог для одних и дьявол для других. А третьи вообще ничего не понимали: куда катимся, что с нами будет, может свечки пора закупать? А может... не будет реформы большой и ужасной? Не будет в подушку рыдать ветеран?

Нет, будет. Уже есть. Ясно было одно: «полетят клочки по закоулочкам». И многие, кто возглавлял энергопредприятия, эти огромные АО-энерго, почетные и заслуженные, важные и еще вчера уверенные в завтрашнем дне, будут искать себе другие рабочие места. Все спрашивали друг друга: что будешь делать, где работать? Я говорила: буду на палубе «играть на скрипочке» до самого конца.

Уход Первого Генерала, который вроде бы ожидали, все-таки отозвался в сердцах многих тоскливой нотой. Капитан первый покинул тонущий корабль, ему-то виднее всех было,

что этот «Титаник» советских времен обречен. И спасти не было ни сил, ни возможностей. Зато была перспектива взойти на более современный, мощный корабль и встать, по крайней мере, рядом с Рулевым. Впереди ожидал головокружительный взлет. Чубайс наделил бывшего руководителя Челябинской энергосистемы большими правами и сделал своим заместителем.

Мы провожали шефа со слезами на глазах и на глазах уже становились его прошлым. Отходянок устроили на озере. Говорили пламенные речи, обнимались, изображая верное братство, пели любимые песни: «а нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим» (сколько же смысла в этих словах!). Один из маленьких начальников, обливаясь слезами, упал на колени перед столом, где сидел шеф, бормоча слова любви и восхищения. Кстати, впоследствии сделал успешную карьеру в Москве. Я трескала викторию со сливками, а в перерывах между креманками пела романсы под восхищенные возгласы двух нетрезвых поклонников моего вокала. Это были последние часы, когда виновник торжества купался в обожании. Москва сурова к провинциалам: «Второго Чубайса здесь не будет!», — дали ему понять в новой команде. Он занял место за плечом Чубайса, потом его чуть отодвинули.

Все реже и реже звонил бывший шеф в свою бывшую приемную, все непроницаемое становилось его взгляд. Последний раз я видела его в день пуска нового энергоблока в Челябинске. Он был все также величественен и держался рядом с Чубайсом.

Карусель, ты моя, карусель!

2007 год. 7 июля исполнится 10 лет, как я в энергетике занимаюсь пиаром, или, проще говоря, созданием имиджа компании и первого лица. Я работаю уже с третьим гене-

ральным директором большой компании, которая переживает реформы, реорганизации, перестройки, встряски и разные революционные преобразования, когда меняются, рушатся, вновь воздвигаются структуры, штаты, места дислокации и свершаются судьбоносные перемены.

Когда приходил новый генеральный, то внедрял кто быстрее, кто постепеннее свою команду из ближайших, верных, преданных ему людей, с которыми где-то, когда-то он съел свой «пуд соли», которые становились опорой или должны были стать таковой в период смутных времен, то есть поддерживать шефа и в печали, и в радости. И только одно, как ни странно, оставалось неизменным — пресс-секретарь, то есть я. Здесь полагалось бы плюнуть через левое плечо, «тьфу-тьфу» не накаркать бы. Но я не буду этого делать, потому что всему когда-нибудь приходит конец. А, как известно, конец — начало чего-то нового.

Для любого пресс-секретаря 10 лет — срок большой: явно засиделся и бегаешь по кругу, спасаешься только новыми идеями, которые сам же и воплощаешь. Так не должно быть по логике. Следующий генеральный, если он не протееж предыдущего, по жанру должен хаять направо и налево предшественника, а вместе с ним и его команду. Садясь в генеральское кресло, должен сказать «кышь!» прежнему пресс-секретарю, который холил и лелеял бывшего.

Новый поначалу присматривается к тебе, как кошка к мышке. А ты работаешь, словно и не замечаешь смены главного исполнителя. Продолжаешь играть свою роль, то есть «холить и лелеять» того, кто ныне оказался в генеральском кресле.

Если мышка ведет себя благоразумно и в порочащих связях не замечена, пусть поживет.

Мои 10 лет в энергетике были совсем не безоблачными. Потому что сфера деятельности — настоящее «минное поле»,

а «генерал» — все равно, что светило: чуть дальше — холодно, и ты тогда не нужен, тебя не замечают, твою работу не ценят, чуть ближе — горячо: сегодня погладят, завтра пинка дадут. Вот и попробуй выбрать дистанцию так, чтобы не нарваться на «мину».

Все 10 лет — «в мундире». Я никогда не была «своим» человеком ни для одного генерального директора, возглавлявшего энергокомпанию. И всегда следовала правилам: в общении с начальством — ничего лишнего, ни эмоций, ни рассказов о своем житье-бытье, ни сокровенных разговоров «за жизнь», ни оценок в отношении кого бы-то и чего бы-то ни было. Все — только по делу. Мне не нужны были «ни барский гнев, ни барская любовь». Информацию выстраиваю так, чтобы руководитель сам делал нужный вывод.

Но, несмотря на суровость отношений, я всегда испытывала к «генералу» большое уважение, даже некую нежность, нет, не «отеческую», не «материнскую», а, как бы это правильно выразиться, какую испытывает художник к своему произведению. Радовалась успехам в публичном пространстве и старалась ему в этом всячески помогать. А как иначе? Если «один пишем, два — в уме», то лучше, поискать другое место.

В юбилейные даты уважение доходило до «экстаза», и тогда рождались строчки вроде этой «Песенки пресс-секретаря».

Для тебя, для тебя, для тебя
Самой лучшей мне хочется быть,
И прически свои, и наряды свои
С твоим рангом хочу совместить.

Маникюр буду делать всегда,
И походкою легкой входить,
Улыбаясь слегка, говорить не спеша,
За течением мысли следить.

Будет логика в речи моей,
Креатив будет весел и прост,
Я от лишних эмоций избавлю тебя,
Проложу понимания мост.

Буду мошкой твоей на стекле,
Буду крошкой твоей на столе,
Буду пулей твоей и свирелью твоей,
Буду тенью твоей на стене.

Для тебя, для тебя, для тебя,
Самой лучшей мне хочется быть...

Такого рода стихи не единственные. Я «поймала» себя на новом жанре, который назвала «комплиментарная лирика». Правда, на комплиментах далеко не уедешь.

От комплимента до лестии — один шаг!

Преданность свою компании надо доказывать делом. Одним словом, работа в верхах развивает политическое чутье, понимание психологии руководителя, способности просчитывать его реакцию. Собственно, эти качества всегда свойственны ближайшему окружению. Умение подчиняться, понимание неписанных законов — вот что необходимо. Держись лидера, доказывай личную преданность, если хочешь получать жизненные блага.

Помню, как один из Генералов говорил, когда шел период становления команды, о заме, «может, он и хороший специалист, а подчиняться не умеет». Тот все время спорил, что-то доказывал, пытался обозначить свое «я». Ему быстро дали понять, где должно быть его «я», а потом и он сам освободил кабинет. Умение подчиняться должен вырастить в себе тот, кто хочет чего-то достигнуть в карьерной лестнице и занимать место в партере. Кто-то скажет «не подчинять-

ся, а прогибаться». Кому как нравится. Повезет тем, у кого хозяин — не самодур: унижение подчиненных, власть над ними, может и удовольствие доставлять. Конечно, ради благосостояния многое терпят. Но унижение тоже имеет пределы. При богатстве и власти немногим удается оставаться белым и пушистым. Впрочем, в гардеробе обычно есть и костюм зайчика, и костюм волка.

Всё более входящее в нашу жизнь понятие — «хозяин». Тот, кто владеет бизнесом, тот, кто платит тебе зарплату и рассчитывает на твою безграничную преданность. Но, даже работая на хозяина, приятнее все-таки думать, что твой труд полезен Родине. Раньше в сознание гвоздем вбивали: прежде думай о Родине, а потом о себе. Сейчас чувствительно жизнь дает понять: работаешь на хозяина. Пусть так. Но и вести ты себя уже должен соответственно. Перекуры отменяются. Пахать, пахать и пахать, помнить о корпоративном кодексе, время от времени осенять себя счастливой улыбкой. Депрессии исключаются. Собрания с критикой руководства остаются в советском прошлом.

Где оно сладкое чувство свободы и независимости — синяя птица всех времен и народов, вечная мечта революционеров? Может, в тех далеких семидесятых прошлого века крыльшками машет?

Кстати, прервемся. А что я пишу? Дневник или мемуары? Или «стон этот песней зовется»? Так, если пишу о событиях дня из года в год — это, понятно, дневник. А, если на закате женской красоты начала вспоминать все подряд, это, наверное, мемуары. Да, ладно, что хочу, то и пишу! Да и все вокруг твердят: давай-давай, кропай дальше!

Несколько раз начинала писать дневник. Был у меня дневник, вела я его много лет. Но почему-то обращалась к нему только в моменты плохого настроения, депрессии, и ситуации там были тяжелые, «любви» все грустные, потом нача-

лись первые смерти. Когда я перечитывала свой дневник, у меня всегда портилось настроение. В один из критических моментов дневник порвала, зачем краснеть «оттуда» перед потомками?..

Не ходите, дети, в Африку гулять?

2007 год. Я соскочила с этой безумной карусели, не успев дописать две части своего повествования — работы со Вторым и Третьим генералами. 9 ноября 2007 года ушла из компании.

Как-то при встрече в шутку сказала бывшему шефу: «Заплатите мне, чтобы я ничего о вас не писала». Он ответил тоже как бы шуткой: «А я на тебя в суд подам!». Дальше можно было бы продолжить мысль: я тебе доверял, а ты теперь мемуары пишешь?! Да, не знали мы тебя, плохо наша служба безопасности работала. Хочешь всех дураками показать, а себя умной? В блокнотик, наверное, записывала, теперь обогатиться решила? Нет, в блокнотик я ничего не записывала, хотя, интересный бы дневник получился.

Имеет ли бывший пресс-секретарь моральное право на откровение? Ведь пиар — сфера интимная. Пресс-секретарю, как, например, массажисту — «тело», «лицо» доверяют. Что ж получается, ему доверие оказали, а он, сволочь такая, потом воспоминания накропал о твоих интимных «родинках»? И так все книжные полки мемуарной литературой забиты, ушаты грязи вылиты. И пресс-секретарь туда же? Вопрос!

А что, действительно, я этими мемуарами сказать хотела? Не ходите, дети, в Африку гулять? Или историю одного маленького человека изобразить? Мол, хоть и маленький, и с ваших генеральских высот невидимый, а тоже свое разумение имеет! Или это «майн кампф» своего рода? А? Не знаю. Сначала хотелось что-то вроде практического пособия для

начинающих пиарщиков написать, когда первый раз в 2003-м, взялась за перо, а вот получился крик замученной души какой-то. Впрочем, любой жизненный опыт интересен. Ну, сажала бы цветочки в своем садочке, написала бы про разведение незабудок, тоже кому-нибудь бы пригодилось.

Так что, пишите, люди, мемуары, дневники, разнообразьте мир!

Напишу то, что в памяти отложилось. К примеру, или это на конец оставить? Да ладно! Никто ведь надо мной с хронометром не стоит! Что приходит на память? Вот фраза одного начальника среднего периода в мой адрес: «Ты, конечно, — мошка, а кусаешь больно! Раздавлю!». Свят, свят! Не к ночи помянут! Или вот эта лексика, в более поздние времена: «Вы здесь не говно мешаете!». Замечательно! Сильно, ярко, современно. Главное все понятно. Задумываться над этим: почему, вследствие чего, что не так, а как надо, не стоит! На «как надо» надо снова родиться и желательно сразу в столице нашей, Москве.

Терпение, друг мой, терпение. Не надо лишних слов, эмоций и слез, так ведь и до инфаркта недалеко. «Есть!», «Так точно!», «Все будет исполнено в лучшем виде!», если хочешь работать и получать «достойную» зарплату.

Тебе бы, начальник, книжки писать!

Идея написать книгу об энергетиках возникла в момент хорошего, радостного настроения, необыкновенной душевной легкости и ощущения любви ко всему миру и человечеству. Оно совпало с подготовкой энергосистемы к своему юбилею — 60-летию. Небо то и дело окрашивалось салютом от юбилеев, которые проходили накануне реформирования Челябинской энергосистемы — то одно предприятие, то другое отмечало круглую дату со дня своего рождения. Каждое

хотело увековечить себя в истории. А это значит: обязательно должна была появиться книга «о славном трудовом пути». Накануне юбилеев писательская братия осаждает приемные руководителей предприятий с предложениями выступить в роли авторов.

Почему бы не попробовать и сотрудникам пресс-службы? Кто же, как ни они знают и понимают будущих «героев», менталитет своей организации?

Вот эта мысль и подтолкнула совершить дерзкий поступок: предложить директору ТЭЦ-2 авторство. В.В. Петров поверил и из всех других пахарей «юбилейной нивы» остановил свой выбор на мне.

Многим «производственно-юбилейный» жанр кажется скучным и обреченным на шаблон: даты, вехи, передовики, выдержки из исторических документов, подписанных легендарными политиками. Может быть, этот жанр «производственной, юбилейной книги» обречен быть скучным, как говорится, скрепите скулы и дочитайте до конца? А книжке суждено томиться непрочитанной в шкафу?

Никогда я не писала книг. Сначала тоже решила идти по проторенной колее. Но потом натура взяла свое. И я начала «перевоплощаться» в своих героев, хотелось одушевить даже неодушевленное — оборудование, хотелось через людей показать «душу» самой станции. Писала главами, которые вполне могут существовать самостоятельно. В каждой судьбе, пыталась найти что-то необычное, какую-то изюминку, казалось бы, никакого отношения не имеющую к ТЭЦ-2. Но это помогало раскрывать людей и видеть логику их поступков. Например, в главе «Я нашел тебя, отец!» рассказывается о том, как директор ТЭЦ-2 искал могилу своего отца-фронтовика. Или, к примеру, глава «Цветут в горах эдельвейсы», казалось бы, никакого отношения не имеет к электрическому цеху. Но увлечение горами начальника цеха характеризует

его, как человека, даже больше, чем, если бы я рассказывала только о его производственных успехах.

Пыталась писать «без глянца», где-то с веселой, где-то с горькой иронией. Лишь бы не скучно. Конечно, встречаются в книге и пафосные места, но они искренни. В книге нет четко обозначенных исторических вех. Я не ставила себе цель писать поминальник, хотя все равно в полной мере не смогла этого избежать и «отдавала дань».

Не передать как шла работа над книгой! Это была моя вторая жизнь. Все главы я читала своим «героям». Они думали, что от них требуется рассказывать только о производственных делах, и не ожидали, что я стану беречь им душу. Некоторые плакали. Прочитав книгу, начинали смотреть на людей, на события, происходившие в коллективе, другими глазами. Литературная обработка фактов, характеров и поступков придавала какую-то особую значимость известным событиям. Книга заставила моих героев удивляться, обсуждать написанное, спорить, с чем-то не соглашаться, но зато никто не остался равнодушным.

Мне хотелось показать станцию не в обособленности, а дать штрихи времени, отношение героев и свое к событиям, происходившим в стране, в энергосистеме.

Назвала книгу «Дорогие мои энергетики...». Обычное обращение «дорогие мои» по отношению к энергетикам звучало чуть ли не революционно на фоне нападков на энергетиков и конфликтов вокруг отключений, тарифов, реформы и пр. Но о труде этих людей я знала не понаслышке. Это самоотверженные, влюбленные в свое дело, дисциплинированные и ответственные люди. Одним словом, патриоты.

Очень много внимания было уделено оформлению книги. Цвет, качество бумаги, формат, размер шрифта, снимки, подписи, оформление обложки — все удобно для чтения и красиво. Это заслуга дизайнера Александра Конюхова, кото-

рый успел оформить и вторую мою книгу. К сожалению, он рано ушел из жизни.

Сегодня на календаре 25 февраля 2008 года. С тех пор прошло больше пяти лет. Некоторых моих героев уже нет. А память о них осталась. Бывший директор ТЭЦ-2 Валерий Витальевич Петров и его жена Нина Даниловна теперь пенсионеры. Говорят, книга помогает им жить. Их труд, боль, слезы, радость теперь никогда не будут забыты, навсегда останутся в истории. У меня такое ощущение, что они живут в обнимку с этой книгой.

Мой сын сказал: «Мама, это самое лучшее, что ты сделала в энергетике». «Дорогие мои энергетика» — душевный дар людям этой профессии.

Вторую книгу я написала об энергоремонте. Помню, некоторые отнеслись пренебрежительно к самой идее: «Да что там писать о ремонте. Ремонт он и есть ремонт. Вон статью напиши и хватит!». А получилась целая книга. Тема оказалась неисчерпаемая и очень актуальная. Много перипетий претерпел ремонт, много было перестроечных этапов по части его реорганизации. В книге был описан опыт, который энергетика получали в результате очередной перестройки. Но, как показывает жизнь, плодами этого опыта мало кто пользуется. Так и рвется наружу: «Люди, ну, ведь это уже проходили!». Нет, снова те же грабли. То, как я представила ремонт и самих людей, связанных с этим процессом, не вписывалось в привычные рамки корпоративной литературы. И в этом не было лукавства, юбилейной глянцевоности.

Мы назвали книгу «Наш бизнес — энергоремонт». Нам возразили: «Да какой там бизнес!». Директор Челябинского энергоремонта сильно сомневался: а правильную ли книгу пишем, не влетит ли от руководства? На всякий случай название поменяли на «Живи, Энергетика!». Но опасения были на-

прасны: книжку нашу генеральный директор тогда полистал, но так и не прочитал. Видно, время еще не пришло греться у камина.

А сам руководитель Челябинского энергоремонта, теперь уже бывший, впоследствии все-таки оценил книгу по достоинству благодаря отзывам других людей, зачастую совсем далеких от энергетике. Пожалел, что поменяли название. Вообще, писать книги по заказу, да еще подходя к этому неформально, адский труд, большая физическая нагрузка: работа с архивами, многочасовые записи интервью с будущими героями, расшифровки диктофонных записей и многочасовое сидение за компьютером, выбор концепции, сюжета, стиля. Да и надо так сложить слова в предложения, чтобы читать было интересно. По отзывам, это удалось. Жанр двух своих книг я определила как «романтический».

«Морковка» и «ослик»

В то время, когда я работала над книгой «Дорогие мои энергетика», в Челябинского энергопредприятия предприняли попытку написать книгу о Челябинского энерго. Накануне реформирования компании все понимали, что структура в данном виде доживает последние дни, вот и решили поторопиться с мемуарами, чтобы потомки не забыли, чтобы самим почитать на заслуженном отдыхе. Естественное желание.

Инициативу взял в свои руки один из руководителей компании, имевший тягу к сочинительству. Был создан штаб по созданию книги, который регулярно собирался, но что там обсуждалось мне неизвестно: пресс-службу к процессу не привлекли. Процесс написания книги казался простым и легким. Дашь указания в филиалы — оттуда присылают тексты, исторические справки. Потом komponуешь — и книга готова, как нечего делать!

Итак, штаб заседал, что-то обсуждал, а время, между тем, шло. Собрали довольно пухлую папку «сырья». Когда до юбилея оставалось месяца два-три, стало понятно: от разговоров дело не сдвинется и надо кому-то писать текст. Запаниковали. Но все же решили сэкономить на услугах писателя, который вполне добротнo штампует подобную литературу. И тут вспомнили про «литературных рабов» — пресс-службу. Этот «ослик» и без «морковки» побежит. Дадим указание — напишут, как миленькие.

Мы с коллегой отказались, чем вызвали на мгновение шок у присутствующих: как можно?! Вы что не патриоты?! Потому и отказались, что патриоты. Работая целый год над книгой о ТЭЦ-2, я уже знала, сколько требуется времени и усилий. А тут — о целой энергосистеме! Члены штаба недоумевали: что тут писать, когда материал собран? Ну, так пишите! Мы не умеем! Я уперлась: не хочу делать халтуру! Да и кто будет за нас непосредственную работу выполнять?

«Ваша работа на фиг никому не нужна! — последовал ответ. — Свободны!», — и царственным жестом нам указали на дверь.

«Вы что наделали, вас теперь уволят?!», — донеслось вслед. Но мы были готовы даже «на выход с вещами».

Тогда инициатор сам взялся за перо. Но прославиться в веках не получилось. Оказалось, тяжело. Новая попытка заставить меня «творить» историю под гневное сверкание очей и громыхание речей, но «мошка» и на этот раз избежала шлепка, хотя и трепыхалась от страха.

В итоге тексты все-таки издательство получило. Книгу облачили в красивую обложку. Главный застрельщик поместил туда много фотографий со своим изображением. На вопросы: «Что ж так промахнулись с содержанием?», кивал на пресс-службу: вон, мол, из-за тех поганцев. Спустя какое-то время Второй Генерал вручил мне книгу со своей надписью:

«Нине Гавриш — патриоту Челябэнерго» и со словами: «Содержание здесь хреновое, зато картинки красивые».

И еще один курьез, связанный с книгой о Челябэнерго. Ее отослали на Всероссийский журналистский конкурс «ПЕГАЗ» «На лучшую публикацию по проблемам ТЭК России» в Москву. Она получила диплом. Книга о ТЭЦ-2 «Дорогие мои энергетики» тоже участвовала в конкурсе и была отмечена дипломом и специальным призом. А награду представителям Челябэнерго жюри поручило вручить...мне, как неоднократно лауреату этого конкурса!

Жаль, что такая хорошая идея воплощалась впопыхах. О Челябэнерго, действительно, было что рассказать.

Ох, уж это «ре»!

Особенно интересны последние годы — реформы, когда энергетика советского периода реформировалась, распродалась, ломался менталитет. Может быть, напишут об этом, когда улягутся страсти. А пока они еще в самом разгаре. Как восприняли этот процесс сами энергетики, что чувствовал каждый, как изменилась его жизнь — этим мало интересовались наверху: «лес рубят, щепки летят»...

«Не дай нам Бог, жить в эпоху перемен, сказал классик. И в те периоды, названия которых начинаются с «ре»: «революция», «реформы», «реорганизация», «реструктуризация». Ну, право же столько хлопот с этим «ре»! Все так резко, и слишком, пожалуй, «резво». И все же мы надеемся, верим в это самое «ре», как в чудесное избавление. Да и нет обратной дороги. Нет. Всему, что было до «ре» — взмах белого платочка. (кн. «Дорогие мои энергетики» — Н.Г. Гавриш).

От бывшего Челябэнерго остался один вздох. Под лозунгом «Реформа — инвестиции в энергетику!» грянула та са-

мая реформа, о которой долго спорили, но переспорить идеологов всеобщей приватизации, так никто и не смог. За ней как за дымовой завесой — передел собственности. «И по камешку, по кирпичику растащили...». И вот уже нет «Карабаса-Барабаса» с его угодьями. Зато есть лозунг: «Сделаем компанию инвестиционно-привлекательной!».

Челябэнерго, огромный монополист, имевший станции по всей области, электрические, тепловые сети, сбыт, ремонтные предприятия, базы отдыха, детские сады, пионерские лагеря, тепличные и даже рыбные хозяйства, учебный комбинат, разделилось на три структуры: генерирующую, сетевую и сбытовую, избавясь от всего «непрофильного бизнеса».

Все прошло безболезненно, и не о чем жалеть? Совсем нет. У дореформенного Челябэнерго была своя харизма, своя гордость. Работать в такой организации было почетно, надежно. Компания жила широко, масштабно. «Где работаешь?». «В Челябэнерго!», — говорилось с гордостью. Мощная, стабильная, консервативная, патриотичная организация. Устроится сюда — удача. Все понимали, что от компании зависит благополучие населения, работа предприятий. Свет и тепло! Что может быть важнее!

Во главе — генеральный директор, высокая ступень карьерной лестницы. Для большинства — вершина жизненного успеха. Он — в числе первых лиц области. Ему почет и уважение. Разделение компании для многих руководителей АО-энерго стало крахом карьеры. Но не только. Всем, от рабочего до генерала, не просто было психологически перестраиваться. Многие потеряли работу, кто-то, не выдержав смены эпох, перешел в другие организации.

Революционные преобразования всегда стресс. В энергокомпаниях — перетасовка кадров, уход обиженных профессионалов, бегство квалифицированных рабочих, бешеный разрыв в заработной плате между менеджерами и рабочими

основных профессий. Несмотря ни на какие доводы, внутреннее неприятие реформы, ощущение нестабильности так и остались в сознании большинства. Руководство новой энергоструктуры не скрывало презрения к предшественникам, испытывая на верность остатки старой команды. Но хоть и недолюбливают друг друга в верхних эшелонах разделенных компаний, все-таки делаются попытки слатать корпоративное одеяло и вернуть традиции, что лишний раз подтверждает наличие интуитивного желания снова стать единой энергосистемой.

А что стало лучше с приходом реформы? Кто ответит, только без политических реверансов?

Карусель, безумная карусель! На маленьком островке под названием «сбыт» был поднят флаг цвета бывшего Челябэнерго. На этот островок высадился генеральный со своими верными помощниками, сделав его оазисом в бурном море продолжающей реструктуризоваться и приватизироваться энергетики. Иногда, но, правда, все реже и реже на островок принимают беглецов из других компаний, работников бывшей единой энергосистемы. Островок-то хоть и сытный, но слишком маленький, чтобы вместить всех желающих. Да и у него найдется хозяин.

Не все члены старой команды в новых энергокомпаниях прошли испытания на прочность и не все пришлось ко двору. С прежними начальниками особенно не церемонилось. «Ему только гайки крутить!», — глядь, и нету, вышел вон. Другому только-только 60 стукнуло, еще и румянец со щек не сбежал — будьте любезны освободите креслице. Ладно, если советником назовут, правда, советов никто спрашивать не будет, а то и за ворота со всеми заслугами и наградами.

Судьба-злодейка, она такая: сегодня к сердцу прижмет, завтра — на х... пошлет.

Помню, как один из прежних начальников говорил на заре реформы: «А мне нравятся эти «молодые волки»! Хочу, чтобы они пришли». Они пришли и скушали его. А он думал, старый лис, что найдет к ним подход и затуманит им голову своими старыми партийными приёмчиками? Не вышло — и рта раскрыть не дали.

Рыдай не рыдай теперь в подушку. Дело сделано.

Реформа «большая и ужасная» не обошла стороной, прокатилась по биографиям. Последний этап грядет: иностранный инвестор на пороге. А вдруг в светлый рай Европейской цивилизации выведет? А может, это тихая третья мировая грянула, а мы и не заметили как нас завоевали?

Зачем бомбить, когда можно купить?

Страшно, аж, жуть!

Ну, а где тут пресс-служба затерялась? Все воюем, пушечку свою настроили и ну стреляем пресс-релизами. Про реформу, про прогресс. Новая управляющая структура образовалась. А в ней... новый пресс-секретарь! Да какой! Правда, из местных. Вернее, какая!

Да это же образец, про который я себе еще в 2004 году накаркала в статье, что была в журнале «Советник» опубликована. Образ материализовался. Просто воплощение мечты об идеальном пресс-секретаре. Чуть за тридцать, стройна, ухожена, одета дорого, смотрит свысока. Начали ходить какие-то слухи, что она решила нас всех повыгонять. Обстановка в пресс-службе стала угнетающей. Каждый раз от звука ее шагов по лестнице становилось не по себе.

В это время меня пригласили поработать на выборах, и я с радостью ушла в выборный штаб. Вскоре узнала, что «начальница» уволилась без объяснения причин. Как-то Третий Генерал спросил: «А почему все-таки уволилась Б.?».

«Потому что здесь пахать надо!», — ответила я. И подумала: «И стоять по стойке «смирно!»».

Других кандидатур на место начальника пресс-службы не намечалось, и нехотя взяли меня. Почему «нехотя»? Да все потому же: осколки старой команды.

Оглядываясь назад...

Если период работы с Первым Генералом отмечен яростной борьбой за платежи и узнаваемость Челябэнерго, налаживанием неформальных контактов со СМИ, то период работы с Вторым — творчеством.

Именно в его «царствование» я написала две книги «Дорогие мои энергетика» и «Живи, Энергетика!» и завоевала Гран-при во Всероссийском конкурсе Пегаз «На лучшую публикацию по проблемам ТЭК России».

Все понимали, что генеральный директор огромного до-реформенного Челябэнерго ведет корабль в последнюю гавань, где тот будет разобран на части. Поэтому настроения охватывали ностальгические. В глазах поселилась грусть. Так сказать, прощальная гастроль. Шеф, видя невеселые перспективы компании и свои собственные, был настроен пессимистически. Ему стало не до рекламы. К суете вокруг имиджа относился скептически, не видя уже в этом особого смысла. На пресс-конференциях отбивался от журналистов, как от назойливых мух. Материалов в прессе стало меньше, выступлений самого генерального по пальцам перечесать.

На его долю досталось реформировать, а проще говоря, разваливать собственными руками ту единую энергосистему, которая создавалась десятилетиями не одним поколением энергетиков. Можно представить, что чувствовал он. Наверное, то же, что обреченные на расстрел, когда их заставляли

копать себе могилы. В глазах — невысказанная тоска и немой вопрос: зачем все это?

С пресс-секретарем Второй Генерал, как впрочем, и Первый, и Третий, общался довольно сухо, эмоции пресекал на корню, похвалами и премиями не баловал. «Вы меня в черном теле держите!», — как-то сказала шефу. «Хотите «звездить»? — посмотрел исподлобья, взмах рукой в сторону окна. — Идите в другую компанию. Мы — компания умирающая».

В один из последних разговоров, когда разделение структуры подходило к концу, поинтересовался, где буду работать. «Не знаю, — сказала я, — тошно что-то...». «А мне-то, каково...», — выдохнул будущий директор сбытовой компании. На этом наши душеизлияния закончились.

Но все течет, все изменяется, постепенно утихают страсти, не утихает только интерес к судьбе энергетике, реформированных компаний, действиям их руководства. За этим всегда и ревностно будут следить те, кто работал и работает в отрасли. Энергетика никого не оставляет равнодушным.

Челябэнерго, уменьшающееся на глазах, как шагреновая кожа, уже не могло удовлетворить полную сил натуру. Под самый занавес Генерал принял решение участвовать в выборах в Законодательное собрание области. И сразу понял, что без пиара не обойтись. Преодолев скепсис, наконец, увидел в нем политическую пользу и даже полюбил само слово «пиар». Мощное раскручивание за два месяца сделало свое дело. Кандидата узнали и зауважали народные массы, его избрали в ЗСО.

Работать в выборном штабе было интересно, весело, азартно. Наша команда дружно, не жалея сил и времени, создавала чистый и светлый образ кандидата. Разными добрыми, в основном, коммунальными делами, он спешил украсить свой предвыборный путь.

О его победе мы узнали на рассвете в выборном штабе. Наше громкое «ура-а!» прокатилось по местным окрестностям. Обнимаемся, словно встретились на Эльбе. Я стараюсь запечатлеть момент. Мне машет рукой счастливый кандидат:

Ну, хватит, фотограф, остынет коньяк.

В истории мы наследили.

Вот хряпнем сейчас и пойдем по домам.

Все кончено: мы победили!

Когда закончились выборы в Законодательное собрание области, я вернулась за свой рабочий стол, в пресс-службу генерирующей компании.

Началась новейшая история.

Социальный пиар

Нет-нет, студент, я не забыла о тебе. Порассуждаем о пиаре. Поговорим о доброте.

Что такое «черный пиар» все знают, а что такое «социальный пиар»? Это определение обычно приходит позже, когда дело сделано, и ты, почувствовав удовлетворение от того, что кому-то на земле стало жить чуть легче, что добро на земле еще не перевелось, поцелуешь мысленно себя в темечко и подумаешь: вот он — «социальный пиар»!

Почему бы теперь не поделиться своей радостью с народом, вернее, своим опытом? Поделюсь, конечно, не жалко, открою пиаровские «тайны».

Для начала надо в себе обнаружить желание делать добро. Если с этим все в порядке, ты любишь людей, сочувствуешь их страданиям, неравнодушен ко всему, что происходит в мире, если ты оптимист и хочешь поделиться своим жизненным опытом, значит, сам Бог велел заниматься социальным

пиаром. И тут не грех вспомнить библейское изречение «Твори милостыню в тайне. Господь воздаст тебе явно». Как быть с этим?

Когда идет речь конкретно о человеке, несомненно, только так. Ведь, если ты кому-то помог, не будешь же кричать на всех углах: «Люди! Я помог этому человеку, я сделал ему добро, теперь жду от него того же!». А кто ждет чего-то взамен, пусть вспомнит вторую часть изречения: «Господь воздаст!».

Ну, хорошо, а как быть, если речь идет о коммерческой организации? Кроме доброго начала в душе ее руководителя, его высокой культуры, политической прозорливости, а также трезвого расчета, необходимо иметь, не банально будет сказано, деньги. Альтруизм в принципе не присущ компании, которая является акционерным обществом, имеющим вполне определенную цель — получение прибыли. Как известно, коммерческая структура не может позволить себе работать в убыток. А социальный проект — это, прежде всего затратный проект, отнимающий у акционеров часть прибыли. Как это ни цинично, начиная реализацию социального проекта, коммерческое предприятие все равно подразумевает выгоду.

Ну, хорошо, заменим непопулярное в гуманистическом отношении слово «выгода» на «пользу», «экономическую эффективность». Итак, какие аргументы «за» мы можем привести, чтобы приступить к исполнению социального проекта? Действуем по принципу: «и волки сыты, и овцы целы». Что в нашем случае означает: *социальный проект имеет целью создание благоприятного образа компании в глазах общественности*, то есть такой компании, которая думает не только о собственной прибыли, но и о государственных интересах. А государственные интересы — это благосостояние народа, моральное и физическое здоровье нации, высокий уровень культуры, науки — все то, что делает нацию цивили-

лизованным обществом. В таком государстве людям хочется жить, рожать детей, творить.

К компании, которая демонстрирует близость к государственным интересам, отношение в обществе складывается уважительное. Ее знают, ей доверяют, ее слово авторитетно, партнерские отношения с такой компанией надежны. К слову ее руководителей прислушиваются, их выбирают в депутаты разных уровней, они — желанные гости на «высоких тусовках», где завязываются полезные связи и рождаются взаимовыгодные проекты. Экономическая выгода очевидна. Хотя не стоит ждать, конечно, сиюминутной отдачи.

Как правильно выбрать социальный проект? То есть, такой, на который общественность обратила бы внимание, власти взяли бы себе на заметку, а СМИ радостно и безвозмездно осветили бы на своих страницах? Для начала надо приглядеться повнимательнее к социальным проектам того региона, на территории которого работает компания. Можно предложить власти свое финансовое участие. Здесь, конечно, особой славы не заработаешь, так как власть славой делиться не любит, зато в последующем будет считать себя в некотором смысле обязанной компании. Эта дружба пригодится в решении различных проблем.

Можно обратить внимание на «глас вопиющего в пустыне» — те проблемы, о которых много кричат, к ним привыкли и мало, кто обращает на них внимание, отнесся к категории безнадежных. Правда, есть опасность увязнуть в долгосрочной программе. А можно стать флагманом и привлечь сторонников. Поле здесь не пахано, а если и пахано, то тут же буйно прорастает сорняком. Пожалуйста, — наркотики, алкоголики, травматизм на дорогах, армия, инвалиды, дети-сироты... В общем, добро пожаловать лечить «язвы» на теле общества! Здесь просто противопоказано «творить милостыню в тайне». Акции должны быть публичными, привлекать

сторонников. Здесь можно громко заявлять о социальной ответственности компании.

Мест приложения для благотворительности, спонсорства и меценатства предостаточно. Главное, как «подать» компанию, чтобы польза была взаимной. В любом случае на вопрос, который мы задаем сами себе, надо ли компании иметь социальное лицо, ответ однозначен: надо! Чтобы быть в обществе фигурой значимой.

Да и, в конце концов, патриоты мы, или как?..

Шить социальные одежды предстоит пиарщику, то есть, сотрудникам, хотела сказать «спецслужб», сотрудникам пиар-служб. Здесь многое будет зависеть от нашей фантазии, интуиции и профессионализма. А главное — от желания работать «креативненько».

Ну, а теперь, когда теоретическая часть почти закончена, пора обратиться к собственному опыту. Можно привлечь внимание эксклюзивными проектами.

Один из любимых, через сердце прошедших, стал социальный проект о болгарском художнике, который мы назвали «Сергей Петров. Я сын твой, Россия!». Сергей Петров подарил свои картины России, большую их часть — Челябинску. Об этом я подробно расскажу чуть позже.

Мы ставили целью не только познакомиться с уникальной личностью, но и создать образ социально-ответственной компании-патриота. Наконец, показать пример меценатства.

Реализуя социальный проект, энергокомпания демонстрирует то, как прогрессивные представители бизнеса содействуют культуре, духовности, развитию национального самосознания. Экономика проекта имеет, конечно, денежное выражение, но экономический эффект подсчитать невозможно, как невозможно подсчитать, сколько стоят любовь, добро, сострадание. В результате этой акции должен сложиться

образ компании дружелюбной, сострадающей, гуманной, отзывчивой на просьбу о помощи.

Доброе отношение к себе надо поддерживать новыми инициативами.

Какие еще социальные проекты может реализовывать компания? Возьмем, к примеру, экологию. Безумно модная тема. Цель — не только получить моральные дивиденды, но и принести реальную пользу обществу. Аудитория достаточно обширна: власть, «зеленые», фискальные органы, предприятия, которые «душат» окружающую среду, и прочие обитатели нашей планеты. Все хотят пить чистую воду, дышать чистым воздухом, выращивать в своем саду фрукты и овощи, не зараженные химическими выбросами. Тема экологии актуальна, как никогда и касается каждого из нас.

С чего начать? В компании наверняка есть программы, инструкции и прочая деловая документация, где прописаны мероприятия по улучшению экологии. Каждый пункт этих важных документов достоин того, чтобы вдохновиться на написание статьи, показ сюжета, организацию круглого стола и т. п.

Таким образом, мы перешли к формам решения данного PR-проекта. Здесь фантазия безгранична. Можно, дружно взявшись за руки с теми же «зелеными», придумывать различные акции в СМИ, театрализованные — на площадях, выпускать совместные листовки и сбрасывать с вертолета. Можно развешивать плакаты, баннеры, призывающие беречь окружающую среду, выставить рекламу, обозначив свои экологические «подвиги» — присоединяйтесь! Нельзя исключать и старые проверенные формы: снять сюжет о ТЭЦ, где установлены эффективные фильтры очистки воздуха или устройства, снижающие вредные выбросы в водную среду. Можно завести рубрику в местной газете, на радио или телевидении и «прожужжать всем уши» о том, как мы улучшаем

экологию. Можно представить анализ того, что изменилось за последний период по сравнению с прошлым, или, что мы не самые «грязные», есть и похуже, но мы не сидим сложа руки. Наконец, можно организовать специальный пресс-тур, подготовить фотовыставку, провести пресс-конференции, «круглый стол», совместные акции с учеными — все пригодится в хозяйстве. Однако прежде, чем пресс-служба засучив рукава возьмется за PR-проект «Экология», неплохо было бы для начала теоретически ознакомиться с проблемой: почитать полезные статьи на эту тему, официальные документы, инструкции, так сказать, войти в «ткань» проблемы.

Участниками PR-проекта «Экология» могут быть руководители компании, специалисты по охране окружающей среды, инженерные службы и просто равнодушные люди. Можно объявить журналистский конкурс на эту тему, обратиться с призывом к обществу: «сохраним окружающую среду!», провести деловую игру и показать, что энергокомпания всерьез озабочена этой проблемой. Нельзя забывать, что PR-проект надо ограничить по срокам проведения. Какой период лучше выбрать? Год? По крайней мере, не больше. За это время уже можно составить представление о компании, как экологически озабоченной, а впоследствии поддерживать этот образ более спокойно.

Профессиональный праздник — хорошее время для подведения итогов различных конкурсов. В это время можно попытаться проанализировать эффективность, собрать отклики представителей власти, общественности. Кстати, отклики нельзя оставлять без внимания, чтобы впоследствии представить, как общественное мнение. Это тоже составляющая эффективности.

Некоторое время можно попочивать «на лаврах» и — снова «в бой», то есть нырять с головой в новый социальный проект. Какой? Любой. Главное, как подать. Важно также не

забыть прописать в бюджете статью на благотворительность. Пресс-служба должна не полениться оформить каждый свой шаг в «PR-проект» и представить его на профессиональный конкурс, красиво поставив тем самым «восклицательный знак» в этой работе.

Все ли социальные проекты нужно «пиарить»? Всё индивидуально. Надо чувствовать политическую ситуацию вокруг компании, надо знать меру в саморекламе и не забывать о корректности. Надо говорить о своей помощи достойно, не крикливо, не назойливо. Помогать людям, обществу надо. В какой-то момент ярко, громко, чтобы и другим пример был, в другом случае тихо, по-христиански.

Энергия милосердия

Как-то обратились за помощью в пресс-службу энергокомпании представители Челябинского музея искусств. История, о которой они рассказали, была длинная, нудная, не очень красивая, грозила обернуться большим скандалом. А заключалась она в следующем. На закате своих дней известный болгарский художник Сергей Иванович Петров решил передать в дар России более 620 своих картин, из них 400 — Челябинску.

С.И. Петров был из семьи болгарских переселенцев, которые в начале прошлого века уехали на заработки в Россию. Его отец — болгарин, мать — русская. Жили в Челябинске, где и родился будущий художник и прожил там до 14 лет. Имели крепкое хозяйство. В 30-е годы болгар раскулачили, и они выехали из страны. В конце жизни Сергей Иванович был одинок, бедствовал, очень скучал по России. Свое художественное наследие решил оставить далекой родине.

Казалось, родине надо бы радоваться. Но не тут-то было. Бюрократическая волокита, долгая переписка с разными ин-

станциями в конец вымотали нервы художника. Никак не могли организовать оформление, доставку картин. Все это было сопряжено не только с большими хлопотами, но и с большими затратами. Художнику начало казаться, что никому не нужен ни его дар, ни он сам. Наконец, Российский фонд культуры обратился в РАО «ЕЭС России». С его помощью картины доставили в Москву. Осталось привезти из Москвы 400 картин, которые художник передал в дар Челябинску.

В начале просто не вникли. Видно, всему свое время. В конце концов, «декабристы разбудили Герцена»: пресс-служба «дореформенного» Челябэнерго организовала акцию «Энергия милосердия». Для осуществления нашей программы мы установили массу контактов — с Фондом культуры, РАО «ЕЭС России», представителями художника в Болгарии, администрацией области, города, заинтересовали СМИ. Невозможно было остаться равнодушным, узнав о поступке Сергея Петрова. В этот раз все сошлось, как говорится, «небеса были открыты», и политическая ситуация благоприятствовала.

Второй Генерал, который в тот период баллотировался в Законодательное собрание области, правильно оценил ситуацию и решил помочь. Я предложила съездить в Софию, чтобы познакомиться с художником, сделать о нем фильм и показать челябинцам. Шеф дал «добро». С 4 по 9 сентября 2005 года наша группа побывала в гостях у Сергея Петрова.

Нам повезло. Мы успели. В следующем году художника не стало. В 2008-ом, 18 марта, ему исполнилось бы 90 лет. Личность Сергея Ивановича Петрова была грандиозна. Приведу отрывок из своей статьи, опубликованной в газете «Вечерний Челябинск».

Болгарский дневник

«Художник Сергей Петров попал в поле зрения русского фонда милосердия года три назад. Лариса Ивановна Григорова, которая возглавляет этот фонд, познакомилась с ним на выставке. Неудивительно, что эти люди потрясающей эрудиции подружились.»

Лариса Григорова искренне поддержала идею Сергея Петрова передать в дар России его картины. Взяла на себя многочисленные хлопоты, вела переписку, переговоры с различными ведомствами, встречала представителей из России. Она всегда рядом, всегда готова прийти на помощь. «Если бы, — говорит Лариса, — хотя бы дней на десять мы могли приехать в Россию, в Челябинск!». «Я бы мог написать там картины, — мечтает Сергей Иванович, — и все оставить Челябинску.»

Вручаем фотоальбом с видами Челябинска и уральскими пейзажами. Как он обрадовался, увидев вновь свою родину! «Посмотрите, Сергей Иванович, какой прекрасный зимний пейзаж, — Лариса указывает на снимок березы в снежном уборе. — Вы могли бы нарисовать это?». «Посмотрим, посмотрим». Сергей Иванович жадно всматривается в фотографии: нет, такого Челябинска он не знает.

Дорожим каждой минутой. Включаем свою технику. Оператор — видеокамеру, я — диктофон. Записываем рассказ художника о жизни в Челябинске, детстве, родителях, его любимых учителях, болгарских художниках. Он говорит, чуть заикаясь.

Оказывается, Сергей Иванович сочиняет стихи. Свое поэтическое творчество ставит наравне с живописью. Он достает заветную тетрадь и читает стихи, совершенно чисто, ровно. Чуть робко спрашивает: «Почитать стихи, посвященные Лёле?» Лёля — жена художника, любовь на

всю жизнь. Как к далекой любимой матери обращается он к России. Гремит могуче его голос: «Родина, ценю тебя и славлю!» и замирает на словах «старика с надломленной душой».

Мы гуляли по Софии вместе с Сергеем Ивановичем. Побывали у здания государственной академии художеств, которую он закончил, заходили в русскую церковь, где Сергей Иванович не проявил особой религиозности. Затем пришли к памятнику А.С. Пушкину. Лариса заволновалась: вандалы замазали имя чем-то красным. Принялись отмывать памятник минеральной водой из бутылки. Сергей Иванович сидел неподалеку, напротив памятника и снисходительно взирал на эту процедуру, словно говоря: гения невозможно унижить! Наш молодой оператор суетился, ища удачный ракурс. Попросил Сергея Ивановича подойти поближе к памятнику и почитать свои стихи, на что тот ответил: читать свои стихи рядом с гением — неэтично! Вот так и отшел шаблон.

Мы договорились, что 6 сентября поедим в городок под названием Мелник. Там любил бывать Сергей Иванович со своими учениками на пленэрах.

Узкие улочки, уходящие в гору, домики белые, с коричневыми рамами окон, красными черепицами крыши, утопающие в пышной зелени. Вот и гора, которую любил изображать в своих пейзажах художник, сияет золотом в лучах заходящего солнца. Поднимаемся наверх. На площадке, огороженной камнем, останавливаемся и любуемся открывшимся живописным пейзажем. Небо голубое-голубое. Плывут легкие облачка, ветерок чуть раскачивает куст с лиловыми цветами. В маленьком ресторанчике, напоминающем живописный крестьянский дворик, заказываем национальные блюда. Звучат болгарские мелодии, играет скрипка, дворик весь увит виноградом. Изображаю картину Брюллова «Итальянский полдень». Все смеются. У всех прекрасное настро-

ение. Сергей Иванович охотно говорит в камеру. Он обращается к своим землякам: «Дорогие челябинцы, я передаю вам в дар картины, выражая тем любовь и уважение к своей родине — России!». Мы поднимаем бокалы с красным вином за здоровье Сергея Ивановича, за его талант, за его прекрасную душу... Фильм о Сергее Петрове мы назвали «Я сын твой, Россия!».

Кроме фильма, были подготовлены статьи, фотовыставка, проведена презентация работ Сергея Петрова в Челябинской картинной галерее. О талантливом земляке узнали на родине. Работы художника благополучно обрели свой дом в музее искусств Челябинска. Это самый большой дар картин городу.

Мы, участники проекта «Энергия милосердия», получили огромный духовный заряд от встречи с этим человеком. Казалось, прикоснулись к чему-то вечному.

Болгарский проект стал одним из ярких событий в моей жизни.

Каравай, каравай

Третьего Генерала я впервые увидела случайно. Из дверей здания Челябэнергостремительно вышел невысокий полноватый человек нездешней наружности: черные кудри до плеч, одет во что-то демократичное и в окружении дюжих молодых направился к черному «Land cruiser». «Похож на рок-музыканта», — мелькнула мысль. Он привел свою команду. Ближайшие соратники-москвичи. Принцип: не важно чем руководить — банком, энергетикой... космосом, главное владеть Системой, и в эту Систему укладывались любые направления, любые отрасли. Они умели считать деньги и знали, как их зарабатывать, а детали вроде того, как «кру-

тится турбина», осваивали «по ходу пьесы». Они владели иностранными языками, стратегией успешного ведения бизнеса, были красноречивы, преданы своему Генералу, работоспособны, мобильны, мудры и циничны.

Челябинская генерация, доставшаяся им в наследство, восторга не вызвала, как и сам город с его обитателями: провинция, далекая от столицы, раздражала своей «отсталостью, неповоротливостью, непонятливостью, косностью» и т. д., и т. п. Ощущения у другой стороны были вроде того: «смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы, не мог щадить он нашей славы...». Короче, «аборигены» почувствовали себя неуютно. «Это будет другая компания, — звучало с трибуны. — Кто не поймет, как надо работать, будет уволен!».

Никому не хотелось лишаться своего места. Все пытались понять, чего хочет этот генеральный, какую планку он ставит и, во что бы то ни стало, стремились достигнуть этой планки. В первый же корпоративный праздник руководители челябинских филиалов снарядились в боярские одежды, взятые напрокат в театре, и «присягнули» на верность новому главе.

Но ни «присяга», ни «дары» не спасли. Через какое-то время «голова полетели». Об одной «голове» хочется сказать особо. Как ни старался, ему ясно дали понять: «неудобен» даже после трудового триумфа и награждения высоким званием. А спустя некоторое время и вовсе выразили удивление: вы еще здесь? После чего он покорно написал заявление и оставил директорский пост. Некоторое время его еще видели за воротами станции, где он проводил какие-то деловые встречи, но на территорию больше уже не заходил.

Визит к Третьему Генералу состоялся благодаря коллеге из Тюмени. Первое, что бросилось в глаза — большой портрет лабрадора, написанный маслом. Это потом появится пор-

трет Чубайса, а в тот момент — ни тебе портрета президента, ни пейзажа, а только портрет любимой собаки (единственного верного друга?).

Третий Генерал был сама любезность, пересел за переговорный столик, кивал в знак понимания, улыбался. А я, волнуясь, доказывала свое право на существование в новой компании. Тут пригодились и написанные книжки, и награда журналистского конкурса «Пегаз», и благодарность Чубайса в рамочке. В общем, достойна, достойна...

«Какая агрессивная самореклама!», — это реплика от строгой помощницы шефа. Её преданность делу доходила до самопожертвования, а роль в компании была значительна, несмотря на молодость и «хиповатость». Я вспомнила сказанную мне когда-то фразу: «Есть захочешь, не так заговоришь». Но вслух сказала: «Он ведь должен знать, кто здесь работает!». Ну-ну...

Пожалуй, ни у одного руководителя, я не встречала такой обаятельной улыбки, как у этого Генерала. Думаю, он знает цену своей улыбке и знает, когда и кого ей одаривать. Вообще обаяние — бесценный дар природы, половина успеха. Обаяние большого руководителя, своего рода шапка-невидимка, под которой обычно скрывается жесткий, целеустремленный человек. Ну, а я, пресс-секретарь, по совместительству придворный лирик, по просьбе «команды» «забабахала» в его честь стихотворение, которое пополнило мою коллекцию «комплиментарной лирики». Конечно, предварительно расспросила о нем ближайшего соратника. «Он своей натурой страстной, — так примерно сказал тот, — мог бы сам светить во тьме».

Понимаем мы прекрасно: его не спутаешь в толпе...

К слову, каждый из окружения Третьего Генерала отличался какими-то способностями: один красиво пел, другой виртуозно играл на гитаре, третий мог легко выучить италь-

янский язык... Его привлекали талантливые люди. Однажды спросил меня, что думаю о юной коллеге. «Амбициозна», — сказала я. «А я люблю амбициозных людей!», — несколько с вызовом ответил он и впоследствии повысил ее в должности. Что ж, окружать себя не только профессионалами, но еще и людьми талантливыми — качество сильной личности. Кстати, и сам он любил петь, при случае с удовольствием выходил на сцену. Но это не мешало ему нагонять страх на подчиненных.

Он был — разный. По нему все должно быть и-де-ально! Стремление к идеальному — вот, что, кажется, бесконечно гонит этого человека. Он из тех, кто выбрал марафонский бег. Не каждый выдержит рядом с ним этот марафон — погоню за идеальным.

«Стремление к идеальному нас погубит», — тихо вздохнул как-то один из его многочисленных замов.

Пиар: здесь я владею и люблю!

Третий Генерал сразу всем дал всем понять: пиар — его территория, и никто здесь разгуливать без его на то согласия не будет. И мне это нравилось. Пресс-служба подчиняется только генеральному директору. Ура, чего и добивались! Политически все правильно.

Правда, есть одно неудобство, когда дело касается поощрений, к которым я отношусь просто и практично: за яркие дела пресс-службу надо поощрять. «Трудовой подвиг» должен быть замечен и отмечен. Поводом может послужить победа в конкурсе, удачная рекламная компания, принесшая политические дивиденды. Творческих сотрудников в производственной среде обычно не особо премиями жалуют — ничего не производят, ходатайствовать за нас некому. Остается одно: набрать в легкие побольше воздуха и собственны-

ми руками поощрения «ковать», то есть обратиться к непосредственному шефу, мол, не побрезгуйте, облагодетельствуйте за непомерное старание. И, надо сказать, Третий Генерал не жадничал. Правда, в последнем телефонном разговоре все же припомнил: хоть премии вам и подписывал, но с гадким чувством от вашей нескромности совладать не мог, раздражение испытывал. Все равно, благодарствуем.

Да, хотелось, хотелось до планки той идеальной дотянуться... Я предложила выпускать корпоративную газету не на четырех, как это было в Челябэнерго, а на восьми полосах! Газета получилась красивая, объемная, полиграфически культурная. Генералу понравилась.

Корпоративная газета — разговор особый. По-настоящему яркие журналистские материалы в таком издании редки. Всегда аккуратно приглашена, с шефом согласована, бесконфликтна и услужлива, бесстрастно информационна, она резко отличается от тех задиристых многотиражек прошлых лет, как комнатная болонка от бойких дворняжек. Дорогое цветное издание приятно взять в руки, вручить гостю, но читать скучно. Правда, находятся любители, которые и в такой газете каждое слово рассматривают, словно под лупой, проявляя стилистическую бдительность, втягивают в долгую дискуссию на предмет «корректности текста», успокоившись только тогда, когда замученный начальственным давлением редактор не поникнет кудрявой головой и не выдохнет: «простите, я больше не буду».

По-хорошему, по-правильному, чтобы выпускать интересную газету, нужен редакционный коллектив журналистов. Это должна быть самостоятельная структура, занимающаяся только газетой. Смешение жанров: пресс-служба она же редакция — плод творения удобоварим, но безвкусен. Да и пресс-службе лучше заниматься своим непосредственным делом — пиаровскими программами.

Раскручивать новую энергокомпанию мы взялись усердно. Фильмы, буклеты, передачи на телевидении, портреты на первых страницах газет, пресс-конференции, вручение наград лучшим потребителям — все на имидж!

Из пиар-проектов особенно ярким был пуск теплотрассы. Я написала сценарий. Придумала слоганы. Руководители Челябинских тепловых сетей прислушивались к моему мнению, и сценарий восприняли как руководство к действию, хотя поначалу многое показалось помпезным: духовой оркестр, фуршет под шатрами, разноцветные шары на теплотрассе, разбивание бутылки «Шампанского» и т. д. Но выполнили все буквально.

Долго искали «лицо» для баннера «Мы построили теплотрассу для вас!», хорошее, доброе, улыбчивое. Таким оно и запечатлено на плакате. Сколько же мне пришлось попрыгать перед этим застенчивым парнем, лучшим сварщиком, пока наш фотограф ловил момент. К сожалению, в день пуска теплотрассы я не смогла присутствовать: была на учебе за границей. Но знаю, что этот день в октябре выдался теплым. Солнце светило, оркестр играл, был настоящий праздник, и настроение у всех было радостное, торжественное благодаря всему этому антуражу. А я получила sms-ку от одного из руководителей: «Все прошло на ура! Вы — молодец!».

Средств на пиар не жалели. Да и компания должна была украшать себя, словно невеста на выданье: впереди маячила смена собственника. Реформа в энергетике подходила к своему завершению.

Пуск блока, черные машины, Чубайс

Не знаю, как им это удалось достроить и запустить второй энергоблок, который почти десять лет ждал своего часа?! Но именно Третий Генерал и его команда довели дело до

конца! 25 декабря 2006 года состоялся торжественный пуск. Подготовка к церемонии шла в бешеном темпе. Приказы отдавались по-военному и по-военному выполнялись. Репетиции, проходки, прогоны... Кто где, кто за что, когда и как — мелочей нет! В каждую деталь генеральный директор вникает лично. За пресс-службой — освещение в СМИ, работа с журналистами, плакаты, баннеры, идеи в сценарий. Больше всего беспокоились за прессу, которой предполагалось видимо-невидимо, в том числе и из Москвы. Операторы, фотографы, как дать всем возможность запечатлеть исторический момент, и в то же время не мешать делегации во главе с Чубайсом? Все на нервах. Генеральному директору Анатолий Чубайс должен был лично вручить высокую награду. Этой минуты тот ждал с большим волнением.

Такого количества высокопоставленных гостей ТЭЦ-3 еще не видала. Военный оркестр грянул марш, черные джипы медленно въехали на территорию станции. Вышел Чубайс, принял рапорт директора станции, бросил коротко: «Молодцы!», и московская делегация, руководство области, города, компании, журналисты, охрана, гости направилась к турбине.

Все удалось на славу. Кроме одного: в большой бочке меда маленькой ложки дегтя от... пресс-службы. Наш фотограф не смог заснять вручение награды. Видимо, от волнения Генерал встал спиной к залу, образовался кружок — он, Чубайс, дама, которая держала коробочку со знаком. Так и получился виновник торжества спиной на фотографии. Много бы я отдала, чтобы повторить этот момент, развернуть его участников в правильном направлении. Разочарование, обида, гнев вылились в несколько «ярких» слов по нашему адресу. Ну, почему я не бросилась тогда «на амбразуру», сметя на пути охрану, и не сказала: «Будьте любезны, господа, развернитесь лицом к истории!».

Хватит вешать награды!

Я всегда заботилась о «лице» пресс-службы. Да и о собственном лице пресс-секретарю не след забывать. Как ваша фамилия? А, «Гавриш!» Ой, что-то знакомое.... А, ну, как же, как же, слышали вас по радио. Да вы знаете, я уже давно не.... Ну, что вы, что вы, не скромничайте. По части скромности у меня собственные соображения. Не скромничайте, когда надо показать свой труд. Не скромничайте, когда хотите добиться успеха. Делайте победы своими руками.

Нет-нет, все заслуженно. Ну, представьте, разные конкурсы: московские — «ПЕГАЗ», «Серебряный лучник», «Социальная энергия», уральский — «Белое крыло»... и что, все сговорились дружно призы Гавриш давать да еще не по одному разу? Или компания везде места «зафрахтовала»? Бросьте, это смешно! Как смешно и то, что я сейчас пытаюсь оправдываться. Просто, говорю это потому, что всегда мои победы в конкурсах раздражали и даже, как ни странно, кое-кого в самой компании: опять Гавриш! Однажды Генерал даже предложил мне не получать первый приз, чтобы не вызывать лишнего недовольства. Давай, мы тебе лучше премию выпишем, а?

Не-а! Приз!

Победы в конкурсах были так часты, что казалось, легки и доступны, а потому и не ценны.

Участвовать в профессиональных конкурсах я считала необходимым не только для собственного творческого тонуса, но и престижа компании.

Да, вся стена в дипломах. Вон на фото уже с самой высокой наградой «Пегазом Златокрылым» стою: снова Гран-при получила. Июнь 2007 года. Пегазу вверх подняла, «ура!» кричу, радость изображаю. Первый приз в Международном журналистском конкурсе по проблемам ТЭК России. А да-

вайте, порадуемся вместе: все-таки компании первое место принесла? Что же не радуется? Ну, встаньте на бочку и крикните громко: «Не ве-рю!». Не верите тому, что награду по заслугам дали? Это все потому, что не вы ее получаете.

А вы попробуйте! Только сперва «покреативничайте» как следует, мозги докрасна раскалите! Что, таланта не хватает или честолюбия? А в пиаре без этого нельзя! Он — пиар — на том и строится — честолюбию, амбициях, известность все-таки лепите. Или хотите серой мышкой, не напрягаясь, никого не трогая, так сказать, звезд с неба не хватая? Только тогда не надо вот этого из-за угла: «Не ве-рю!»... Но, смотрите-ка, вот и на вашей улице маленький праздник, а сколько, оказывается, радости, сколько вы себе почестей организовали!

А впрочем, правда, радости от побед не получалось. Как-то кто-то все время пытался мне ее отравить.

Телефонный звонок звучит настойчиво и руководяще. На экранчике сотового телефона известная фамилия.

— Да, слушаю.

В трубке голос с устало-брезгливыми интонациями:

— Нина Георгиевна, сколько компания заплатила за ваш приз? Сколько можно вешать себе награды? Совесть надо иметь! Мы будем ходатайствовать перед руководством компании, чтобы вас убрали, вы не соответствуете своей должности...

Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Конечно, начальница столичного департамента. Она преуспела не только в создании собственного имиджа, но и в технологии «прополки» неугодных кадров. Даже накануне ликвидации структуры, когда самое время о себе подумать, ее не оставляет забота о «чистоте» рядов. Вот и сейчас завистливо отслеживает чужой успех. Огорчение ее не знает границ: в международном конкурсе «ПЕГАЗ-2006» Гран-при «ПЕГАЗ Златокрылый» присужден «не тому» человеку.

Как посмела?! Генералу внушаем, что его пресс-секретарь стандартам столичным не соответствует, а она награды хватает одну за другой, в конкурсах побеждает?! Безобразие!

Что ж, извините, что испортила вам «картину маслом». Да, кстати, и за то, что пресс-релиз тот самый, «неправильный» написали. Конечно, уж, если врать, так всем одинаково! Нет-нет, «профессиональный пиарщик» так бы не поступил. Ай-яй-яй, оплошали, указаний ваших по непонятливости своей провинциальной не уразумели. Да вы только скажите, пыль с сапог лизать будем, чего надо, то и напишем, коллеги уважаемые, ходатаи вы наши усердные!

«Как Бумажка по рукам ходила»

Между тем жизнь в энергокомпании все больше бюрократичивалась. Осложняло работу длительное подписание договоров. Из-за этого по нескольку месяцев не платили за рекламу. Руководство СМИ на каждой оперативке поругивало компанию. Мы оправдывались, обещали, но сдвинуть дело с мертвой точки не могли.

От отчаяния я написала фельетон, который опубликовали в корпоративной газете.

«Как Бумажка по рукам ходила»

«Жила-была Бумажка, самая обыкновенная, белая, чистая, наивная. Жила себе — поживала, тихо-мирно лежала среди своих сестер, ждала своего часа, пока Работник не решил ее к Делу приспособить. Понадобилась, значит, Бумажка. Обрадовалась она, приосанилась. Да и впрямь, чего бока отлеживать, когда Делу на пользу послужить можно. Изложил Работник суть Дела, от которого Бумажка преисполнилась гордости, и отправил подписи собирать, чтобы

Дело в движение привести. Но быстро только сказка сказывается.

Начались приключения нашей Бумажки, от которых бодрость духа ее подверглась жестоким испытаниям. Подошла она к первому столу, только, было, раскрыла рот, чтобы слово о Деле молвить, как ее почеркали и отослали обратно Работнику. Тот безропотно новое платье Бумажке выправил, слова по-другому переставил и снова отослал подписи собирать. Вернулась Бумажка на первый стол, уложили ее в папку вместе с товарками, стала она своей очереди дожидаться. День ждет, другой ждет. Наконец, извлекли. Украсили подписью. Побегала со всех ног Бумажка к другому столу. Там ее под лупой рассматривали, и так, и эдак вертели, утюгом горячим нагревали, дабы тайный умысел узреть, наконец, большой вопрос на Бумажке изобразили и оставили в задумчивости еще на какое-то время. Еле-еле дождалась Бумажка заветной подписи. А Дело-то ждать не любит, сердится, ногами стучит, руками машет. Торопится Бумажка: а подписей впереди видимо-невидимо. Много бед она перенесла, пока по непроходимым бюрократическим дебрям пробиралась, и в болоте тонула, и без вести пропадала, и допрос с пристрастием держала. За это время ее одежда белая подыспачкалась, и наивность повыветрилась. Брела она от стола к столу усталая, безразличная. Начала свой путь Бумажка летом, а вернулась, уж и мухи белые полетели, ветерок зимний подул. Плюхнулась на стол к Работнику без сил. Тот, наконец, Дело в движение привел. Заскрипело Дело, ржавчину с себя сбрасывая. А Работник утер рукавом непрошенную слезу и следующую Бумажку в путь-дорожку снарядил.

А подписей впереди видимо-невидимо...

Иван Горемыко»

Там, где живет «надоело»

Громоздкая бюрократическая машина работала в собственном, одной ей понятном режиме. Похоже, «подписанты» тонули в море бумаг и просто не справлялись с валом документов. Оставалось только смириться.

Но технический прогресс, как известно, не стоит на месте. На смену бумажному документообороту пришло электронное делопроизводство. Только легче не стало.

Напряжение ощущалось во всех службах и отделах. Отношения с высшими менеджерами установились жесткие. Как-то в корпоративном порыве попыталась обсудить выпуск нового издания: «Целый день мне дурацкие вопросы задают, — возмущалась трубка, — вы знаете, сколько мое время в компании стоит?!». О том, сколько стоило время высших менеджеров, ходили невероятные слухи. Еще долго об стол меня «возили», вероятно, любуясь собственным красноречием и властью.

Вышла в местной газете едкая фитюлька — ни точных фактов, ни названия компании. Но намек все поняли. «ЧК» не дремлет. И вот уже звонок в пресс-службу: и одни глаголы! И все на «ять»! И никаких пауз. И «ваше мнение никто не спрашивает!».

Хотелось открыть форточку и крикнуть: ребята, со мной так нельзя! Я вас любить должна, чтобы в своих «сонетах» воспевать.

Птичку, поющую на ладони, не сжимайте в кулаке!

...Дым металлургических предприятий, стелется над территорией ТЭЦ, смешивается с паром станционных труб, сизым смоком окутывает все вокруг. Здравствуй, наша «фабрика грез», наше вечно туманное утро! И так изо дня в день...

Изо дня в день пресс-служба строчила пресс-релизы. Мы продолжали выпускать газету, регулярно, отправляли отчеты,

снимали сюжеты, в которых рассказывали, как все у нас здорово, а мы — успешная компания. И хоть зубодробительная аббревиатура не воспринималась, нам казалось, что это уже вполне узнаваемый бренд. Увы, без имени, а значит, без лица, пиарить сложно. На самом деле компанию население мало знает, пока не скажешь, что это то, что когда-то отделилось от Челябинэнерго... ну, в общем, долго объяснять.

Внешне все складывалось не так уж плохо. Но что-то отпало от души. От сердца какой-то кусочек отвалился, который хотел любить и патриотически гореть. С каждым днем росло и росло во мне и выросло одно большое «НА-ДО-Е-ЛО!».

Надоела непонятная реформа, одна и та же тема, пресс-релизы, как сводки с передовой. Надоело думать «ночью и днем — только о нем». Надоело стоять по стойке «смирно!», надоели гонка, отчеты, оплаченные статьи и сюжеты, надоела тихая ненависть «пехтов», это мерзкое «как скажете», надоела бюрократическая волокита, надоело дышать тяжелым воздухом ТЭЦ и многое, что еще надоело.

Где мой черный пистолет?

О жизни в жанре афоризма

Ощувив жизни скоротечность, захотелось подумать о «вечном». Так, однажды вечером родились эти афоризмы, которые я решила предложить редактору корпоративной газеты. «Редактор Гавриш» хоть и сомневалась: такой материал для газеты был инородным телом, но потом все-таки опубликовала. Материал вышел под заголовком «О жизни в жанре афоризма». Я предложила читателям поделиться духовным опытом. На мой призыв никто не откликнулся, никто больше не рискнул распахивать душу и спорить тоже никто не стал, хотя прочитали с интересом, а иные даже с удивлени-

ем. Итак, включаю «афоризмы» в свое повествование, как часть себя, своей души. Пусть будут.

Зависть

Не завидуй. Зависть выгрызает внутренности, делает человека мелочным, злым, ненасытным, и, в конце концов, несчастным. Научись ставить внутренний барьер. Завидовать, значит ненавидеть. Надо ли такую тяжесть на сердце брать? Богатству завидовать? Так еще вопрос, чем за него расплачиваться придется. А может, оно было нажито таким трудом, который тебе не под силу и разрушил бы тебя до времени. Зависть всегда причину найдет. Осознавай собственную ценность.

Религия

Легко уйти в фанатизм. К религии нужно относиться как к данности, которая существует независимо от тебя, как к духовной традиции народа. Ни одна религия не спасла от смерти и не уничтожила зло на земле. Есть она и есть.

Деньги

Деньги нужны, чтобы нормально жить, не быть голодным, не ходить раздетым. Хочешь жить лучше, работай больше. Хочешь жить еще лучше и больше получать от жизни удовольствий, работай еще больше, учись, дерзай. Не давай никому в долг — испортишь отношения, потеряешь друга. Лучше так дай. Не бери в долг — то же самое. Имей про запас, чтобы не попрошайничать. Живи по средствам — и будешь счастлив.

Друзья. Дружба

Надо быть всегда готовым остаться одному, так как дружба, как и любовь, привязывают, делают зависимым. А впер-

еди, ждут обиды, разочарования, отчуждение. Дружба прекрасна единением душ, заинтересованностью в тебе другого человека. От дружбы ждут жертв, помощи. Но человек должен помнить, по сути, он — один.

Любовь

Без любви тяжело жить. Жизнь — это любовь. Хоть кто-то должен тебя любить. И ты хоть к кому-то должен испытывать любовь. Любовь не нужно таить в себе, ее надо проявлять.

Дети — родители

Детей нужно воспитывать всегда, учить добру, прививать различные навыки, заниматься с ними, развивать. Иначе можно вырастить из них палачей. Родители должны вести себя достойно, не проявлять слабости духа, а всегда быть духовной опорой детям. Бессердечие детей — результат слабой требовательности к ним или мало было проявлений родительской любви, ласковости. Родители должны вести себя так, чтобы вызывать уважение. Мать в глазах ребенка должна быть святой!

Карьера

Чем выше статус, тем легче жить в нашем бесправном обществе. Карьерой нужно заниматься, честолюбие должно быть. Чем выше статус, тем больше жизненных возможностей.

Счастье

Счастье — короткие мгновения. Человек рождается для страданий, работы, разных жизненных тягот, совсем не для счастья. Отсутствие страданий — уже счастье. Здоров, на душе радостно — вот и счастье, работа нравится, дети живы —

здоровы, добры к тебе — вот и счастье. Была такая песенка: «поделюсь своим счастьем, чтоб звенела струна». Не делись счастьем, не давай повода для зависти.

Смерть

Неизбежна, как восход и закат солнца, как смена дня и ночи. Все имеет свой конец. Так стоит ли горевать, что тебя не будет, не горевал же о том, что тебя не было когда-то? Дай Бог, покинуть этот мир тихо-мирно, на собственной постели, не мучаясь и никого не измучив. А то, что жалко покидать мир, когда ты узнал, как он красив, детей, родных, нажитое... Так ведь «там» тебе все равно будет.

Смысл жизни

Есть или нет? Вопрос не имеет смысла. Нас никто не спрашивал, хотим ли мы появиться на свет? Родился — вот и живи. Не ты решал, чтобы тебе появиться, не тебе решать, когда уйти из жизни. Летай пчелкой в свой период, обеспечивай свое существование так, как ты его себе представляешь: красиво ли, позорно ли — все в твоих руках. На судьбу не кивай, а заставь работать свои руки, сердце, мозги. Наслаждайся жизнью — вот и смысл.

Одиночество

Одиночество — и благо, и ужас.

Бог

Бог — тайна. Бог — любовь. Бог не в небе, он — в человеке. Бог — это совесть. Если Бога нет в человеке, он творит зло. Церковь — ритуальное место. Хорошо тебе там — иди. Но если в душе Бога нет, и там его не найдешь. Священников не отождествляй с Богом, такие же люди.

Обида

Тебя обидели? Забудь. Не разжигай в сердце обиду. Отпусти ее скорее, прости обидчика.

Мысли

Мысли, как жилище, надо содержать в чистоте. Как необходима гигиена тела, так нужно соблюдать и гигиену мыслей. Грустные мысли гасят солнце и краски мира, иссушают сердце, в могилу тянут.

Мысли передаются тому, о ком думаешь. Мысли, как радиоволны, им не страшны расстояния. У некоторых людей энергия мысли настолько сильна, что с ног свалить может.

Если не можешь от мыслей избавиться перед сном, заснуть не можешь, представь, что плывешь по лазурному морю на горизонт, раздвигаешь воду руками, это твои мысли, или представь, что идешь по бескрайнему полю, залитому солнцем, над тобой чистое голубое небо, идешь, раздвигая траву, цветы, колосья — это твои мысли.

Люди могут друг с другом разговаривать мысленно.

Как часто бывает: ты подумал, а другой твою мысль озвучил. О ком-то подумал, а он уже тебе звонит, или вспомнил давно забытого, казалось бы, — и тут же встречаешь его на улице.

Если представить, что эфир полон мыслями, тогда тот, у кого «антенна» более чуткая, может их улавливать? Если настроиться на определенную тему-волну, то и мысли на эту тему можно улавливать из эфира? Недаром же многие писатели говорят, что пишут, словно под диктовку.

Желание

Если желание истинно, оно обязательно исполнится. Как плод созревший упадет к твоим ногам. То, что вчера еще было только мечтой, вдруг завтра получает все возможности

осуществиться и становится реальностью, если ты этого действительно хотел.

Начальство

Не сплетничай. О начальнике не сплетничай тем более. «О царе даже в спальне своей не говори, птица услышит, донесет». Человек все равно чувствует отношение к себе и настроится соответственно. Хочешь сохранить работу, настройся на понимание и доброжелательность. Избегай провокационных ситуаций, когда хулят твоего начальника: впутают, припишут то, что не говорил, передернут факты. Так недолго и работу потерять. А если невмоготу стало, и начальник несправедлив к тебе, делай выбор. Многочисленные стрессы могут иметь болезненный исход. А бывает, что и перетерпеть надо, время все по своим местам расставит.

Халява

Иллюзия. «Счет» все равно будет предъявлен.

Воля

Волю надо тренировать, как мышцы. Воля всегда должна быть в тонусе, чтобы отбиваться от пороков и соблазнов...

В тот вечер я еще много о чем могла бы написать, многим понятиям дать толкование. Но заленилась, да и за окном была ночь. Когда, спустя какое-то время решила продолжить писать «афоризмы», оказалось, что ни одна мысль не приходит на ум.

Кто мы?

Кто работал в Челябинэнерго, знает, как болезненно отреагировал каждый на разделение по компаниям, смену руководства. Вряд ли найдется хоть один человек, который не испыты-

вал бы чувство ностальгии по-прежнему, единому Челябинэнерго, от которого, даже бренда не останется. В один из очередных юбилеев Челябинской энергосистемы бывший генеральный директор решил собрать прежний актив. Наша делегация поручила мне сочинить поздравление. Настроив себя на патриотический лад, я написала этот незамысловатый опус.

Он пришел наш час, возьмемся за руки, коллеги!
Мы одна семья, одна семья, и нас не разлучить веками.
Пусть мы вдалеке и «генерацией» нас нынче называют.
Но у нас одна, да-да, одна святая к энергетике любовь!

Пройдено дорог немало, сединою голову покрыло.
Вспомним, как пускали блоки, родина, ты помнишь? Это было.
Вспомним, как почти задаром свет наш и тепло дарили людям.
Перестройку пережили, энергетика была и будет.

Вспомним, как пришла реформа, и капитализм рукою жесткой
Разделил нас по квартирам, но принять душой раздел
непросто...

Ну и так далее. Мы записались на студии, нестройно, но, как говорится, от души исполнили песню на празднике. Все, кто был в зале, прониклись призывом «мы — одна семья!», взялись за руки, и зал закачался в такт песне. Мы снова вместе на какой-то миг. На миг обманули себя и судьбу.

Наши лодки плывут в разные стороны. Вот кто-то прыгает в волны и неистово гребет к другой лодке, кого-то принимают на борт, кого-то отгребают веслом.

Пожить бы нам еще в социализме.
На неделимом острове со светом и теплом.
Ведь родились мы не в капитализме,
Менталитет свой кока-колой не зальем...

Вот-вот. Да нет, мы уже не те, что ходили строем при социализме, и мы еще не эти, чтобы петь гимны хозяину. Кто мы?

Всего-то 12 мегаватт!

«Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужества полны, в строю стоят советские танкисты...», — это играет трубка голосом солиста краснознаменного хора. Я тоже люблю патриотические марши советских времен. Но сейчас это всего лишь позывной. Телефонный звонок застает поздним вечером. «Сейчас с вами будет говорить генеральный директор!». Стою навтыжку. Сердце начинает учащенно ухать.

«А почему на пресс-конференции было мало вопросов? Почему вы не вмешались в ситуацию? — Знакомый голос с подчеркнуто-вежливыми интонациями в начале и раздраженными в конце продолжает: — Я недоволен! Опять «деревню» развели!».

Про «деревню» я слышу не в первый раз. «Деревня» — это то, что в простодушии не замечает своего жалкого положения, не соответствует европейским стандартам, и вообще — фу! Вот так дунул на печать — и на лоб: «деревня!». Однажды я осмелилась возразить: «Ну, где же нам столичности-то набраться, с вами мы редко видимся!..». Но мой едкий подтекст не был замечен: вы не виноваты, сказали мне, вокруг такая среда. Одним словом, «деревня».

Речь тогда шла о презентации новой турбины мощностью 12 мегаватт на ЧГРЭС.

К ЧГРЭС у меня особое отношение. Мне много довелось писать об этой станции. Прежний руководитель не упускал случая, чтобы представить станцию в самом лучшем свете. Андрей Левитов был человеком инициативным, современным и честолюбивым. В коллективе воспитывал патриотизм,

хотел, чтобы люди гордились тем, что работают на ЧГРЭС. Поэтому активно сотрудничал с пресс-службой.

Относиться к ЧГРЭС можно по-разному. Например, так: ЧГРЭС — самая старая в Челябинской энергосистеме, перспективная, чуть ли не котельная. Так что «сидите и не рыпайтесь» и говорите «спасибо», что вас не передали муниципальным коммунальщикам.

А можно и так: «ЧГРЭС — раритет Челябинской энергосистемы, ветеран боевых действий, она обеспечивала работу оборонной промышленности Урала. Это наше славное историческое прошлое. Вся история энергетики начинается с ЧГРЭС». Такой мы и представляли станцию в своих репортажах. К юбилею директор предложил мне подготовить буклет. Пока работала над буклетом, коллектив стал для меня родным.

ЧГРЭС не сходила со страниц газет и телевизионных экранов и, казалось, молодела на глазах от всеобщего внимания. Такой фон немало способствовал благоприятному отношению и к коллективу, и к самому директору. Получали «зеленый свет» инициативы руководства станции, воплощались в жизнь проекты модернизации, нового строительства, благоустройства. Команда ЧГРЭС — постоянный лидер всех спартакиад! Тон всему задавал молодой, энергичный директор. Приятно было работать с таким человеком, который понимал значение имиджа, с уважением относился к нашей работе. Впоследствии он выиграл конкурс и возглавил мощную станцию в другом регионе России. Когда уходил, попрощался со всеми красиво. Мне подарил гитару. Я очень люблю ее глубокий, контральный звук. Он всегда совпадает с моим настроением, ведь подарок был сделан от души.

Пришли другие времена, другие люди. Им пришлось доводить до конца один из проектов модернизации — пуск в эксплуатацию турбины мощностью 12 МВт. Турбина неболь-

шая, не сравнить с энергоблоком на 200 МВт ТЭЦ-3, но для новой энергокомпании и этот проект немало значил: еще один штрих в картину «инвестиционной привлекательности». Решено было устроить торжественную презентацию. Были приглашены высокие гости от области и города, пресса.

Новый директор ЧГРЭС, человек, не привыкший к «свету прожекторов», не понимал, зачем вся эта суеда вокруг турбины мощностью 12 МВт! И по мере своих возможностей старался пригласить «фанфары».

— Ну что такое 12 мегаватт?! — говорил он мне при встрече. — Мы станции пускали, такой шумихи не было, как сейчас!

— Это политика! Пусть событие не эпохальное, но все равно работает на имидж компании, — убеждала я его.

Не убедила. Он не придавал значения «великому и могучему» пиару. И тем вторгся на «территорию» первого лица.

В тот день директор ЧГРЭС волновался страшно. Праздник не заладился с самого начала. Сама станция показалась мрачной — тесный турбинный зал, крохотный диспетчерский пульт управления — все создавало удручающее впечатление. Пресс-конференцию он мне скомкал. Вдруг взялся вести ее сам. Вопросов было, действительно, мало, да и ответы были односложные, чувствовалось настроение у Генерала испорчено: праздника шеф не увидел, эффект ожидания не был равен эффекту от результата.

После нескольких вопросов директор станции попросил меня вместе с прессой покинуть зал. Я не могла отделаться от ощущения провала. Ясно было, что все это просто так не закончится. Предчувствие не обмануло.

Когда надо мной занесли перо, поняла: пора начинать новую жизнь.

Что это вы, трах-бах — и сразу заявление на стол? Если так реагировать, нам всем тут надо заявления подавать?!

Может, и — «трах-бах», но совсем не «с бухты-барахты».

Нет уже в живых директора ЧГРЭС. Он умер через несколько месяцев после пуска турбины «12 мегаватт». Вряд ли связаны между собой эти события. Судьба...

Пока пишу, все меняется каждый день. Сегодня 9 марта 2008 г. Энергокомпания продана иностранцам. Как они посмотрят на Челябинский раритет — ЧГРЭС, и какова будет ее судьба? Неизвестно.

Время пришло

А что это «пехты» на меня недвусмысленно поглядывают: «Мы уже и без тебя справимся!»? Да, нет, куда вам! А политический опыт, а фантазия, а слоганы, а талант, а стишки-то придворные кто писать будет, а песенки патриотические сочинять, а сценарии, а...?

Вспомнила! Дело было в Златоусте, где я «мотала срок», как молодой специалист по распределению после окончания политехнического института. В лаборатории вентиляции, куда меня направил отдел кадров металлургического завода, я пробыла недолго — несколько месяцев. Мои журналистские «таланты» вскоре были замечены, и редактор заводской многотиражки предложила стать ответственным секретарем газеты. В редакции нас работало трое молодых, двадцатилетних девчонок. Редактор, пятидесятилетняя женщина, резковатая, властная, казалась нам старой, консервативной и недалекой. Постепенно мы так сплотились на почве «любви к прогрессу», что отправились в партком завода бороться за «идею». Изложить «программу» поручили мне. На разговор была приглашена и редактор. Не помню, что я тогда говорила, и в чем конкретно мы обвиняли нашу начальницу, но мне казалось, что моя речь звучала

логично и убедительно. Редактор была близка к истерике, а секретарь парткома, внимательно выслушав «младшего брата», как бы уточнил:

— Комсомолки?

Мы дружно кивнули с чувством исполненного долга.

— Вы — молодцы! Хорошо, идите! Разберемся.

С нами разобрались довольно быстро. Одна уволилась по собственному желанию, другая вскоре ушла в декретный отпуск. А меня культурно выпроводили, избрав по просьбе редактора секретарем по идеологии комитета комсомола завода. О том, как жила и веселилась комсомольская верхушка, рядовым членам лучше было не знать. Я не «вписалась». От меня, как от ненужного свидетеля, быстро избавились, переизбрав на ближайшей конференции...

И вот теперь, много-много лет спустя, роли поменялись, декорации поменялись, а пьеса — та же. Классика!

Так-так-так, по щекам себя похлопала, в чувство привела, крылатое выражение вспомнила: «незаменимых нет» — и дальше смысл жизни искать.

Странная эта штука «смысл жизни». Все время его то теряешь, то роняешь. Например, есть такое понятие, как «синдром достигнутой цели». Вот охватит тебя этот синдром — и как ни бывало смысла жизни. Вроде все сделал, программу свою выполнил, что дальше? И маешься, и маешься. Говорят, опасно: кто-то — в запой, кто-то — в депрессию, а кто-то...

Конечно, начинает все сначала!

А вы что подумали?

Я — с вами!

«Карету мне, карету!», — кричал один чудака, выбегая вон из теплого дома в распахнутом пальто и теряя на ходу пуговицы.

«Время пришло-о!», — теряя набегу туфли, кричала одна охотница за счастьем, устремившись к карете вслед за чудачком.

«Свободна!», — крикнула совершенно неодетая Маргарита, влетев в трамвай, двери которого захлопнулись за ней с гильотинной неотвратимостью.

Р. С. Можно ли к чему-то стремиться, когда тебе за ... за... шкалило? Может ли быть в жизни какая-то цель теперь, когда я уже не работаю в энергетике, когда не надо никого убеждать в том, что твоя компания «самая-самая», что твой генеральный «самый-самый», твоя пресс-служба «самая-самая», ведь ею руководишь ты...? Как не потерять ощущение собственной значимости, почти равносильное смыслу жизни?

Вот и все. Низкий поклон публике. Привет и благодарность всем «героям пьесы». Душу с корнем выдираю из энергетической почвы. Смотри-ка, как проросла...

Возвращаюсь «к себе». Кепочкой взмахну, возьму гитару и пойду чудить по жизни.

А жизнь-то прекрасна, даже, если едешь на трамвае!

20 марта 2008 г.

Нина Георгиевна Гавриш

Тень птички, прикрывающая короля

Серия «Дневники горожан»

Проект А.Е. Попова.

Верстка *В.Б. Феркель*.

Сдано в набор 11.05.08 г. Подписано в печать 26.05.08 г.

Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.

Формат 84×108/32. Объем 6,51 усл.-печ. л.

Заказ № 85.

Тираж 200 экз.

Издательство «Цицero»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии
ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.